Асгард Возрождённый

Автор:
Ник Перумов

Асгард Возрождённый

Ник Перумов

Миры УпорядоченногоГибель богов – 2 #4

Врата царства мёртвых взломаны. Древний Бог Один и его дочь, валькирия Райна, сумели пробить дорогу к новой жизни для павших на Боргильдовом Поле асов и асинь. Однако это необратимо нарушает равновесие, и Новому Богу Хедину приходится приложить все усилия, чтобы «вернуть всё, как было». Но у противостоящих ему сил совсем иные планы: загадочные Дальние подталкивают Одина к открытой войне с Хедином, Хаос тянет лапы к талантливой юной чародейке Сильвии Нагваль, а непостижимые столпы Третьей Силы, великие духи Орлангур и Демогоргон ведут, похоже, свою собственную игру, не понятную ни для кого, кроме них самих.

Кому можно доверять? Хедину предстоит тяжкий выбор, и ошибка может стоить бытия самой вселенной.

Ник Перумов

Гибель Богов-2. Книга четвертая. Асгард Возрождённый

© Перумов Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Мера за меру

Верить в неизбежность воздаяния и возмездия – очень хорошо, удобно и полезно. Для всех – сильных мира сего и слабых; вознесённых удачей, судьбой, трудом – и тех, кто так и пребывает в безвестности, нищете, бесславии. Не удалось отомстить на земле – не бойся, грозные боги подземных царств всё припомнят твоему обидчику, на то ведь они и боги.

Но случается так, что казавшиеся вечными боги исчезают бесследно, а вместе с ними и надежда на справедливость.

И вот тогда оказывается, что слабые и робкие, веками находившие утешение, веруя, что за смертной дверью каждому воздастся по делам его, вовсе не так уж слабы и не так робки.

Отними у человека надежду, и он сделается опаснее медведя-шатуна или бешеного волка-одиночки.

Вампир Ан-Авагар вновь стоял на сумрачных равнинах Гнипахеллира. Неупокоенных душ скопилось уже очень, очень много – и они не молчали. Тоскливые заунывные вопли оглашали ночь, белые тени беспорядочно влеклись то в одну сторону, то в другую, без смысла и цели. Серые волны катились сквозь мрак, и даже звёзды, казалось, глядели на них со скорбью и жалостью.

Их никто не прибрал, не призрел; никто не отвёл к месту последнего упокоения. Брошенные на произвол судьбы, они только и могли, что оглашать ночь бессильными жалобами; но ни Спаситель, ни Демогоргон, ни даже местные тёмные божки, буде таковые тут ещё оставались, не торопились предъявить на мёртвых свои права.

И это было странно, очень странно.

Ан-Авагар сердито закусил губу.

Великий Хедин тоном, не терпящим возражений, отправил вампира сюда, в Хьёрвард, собрать неприкаянные души и отвести их в залы Хель, как звалось местное царство мёртвых. Познавший Тьму был совершенно прав – неупокоенные готовы были вот-вот обрушиться на живых, обратившись в сгустки ненавидящей всё и вся полуразумной, донельзя голодной силы.

Однако он, Ан-Авагар, конечно, способен будить от долгого сна погосты, выпуская на волю дикие стада неупокоенных, – но направить на путь, повести за собой Чёрным Трактом орды и орды бесприютных духов?..

«Великий Хедин поистине верит в тебя, вампир, – вдруг пришла холодная мысль. – Он считает тебя достаточно сильным. И такое – тоже удел лишь сильных. Слабые завистливы к чужой мощи и способностям. Они никогда не признают за чужаком достоинства или тем более превосходства.

О да, конечно, великий Хедин может казаться слабым. Может притворяться слабым – но всё это лишь часть его плана, несомненно, глубочайшего, всесторонне продуманного и полного ловушек для тех наивных глупцов, что увидят в его хитрости истинную нерешительность или, тем паче, нехватку силы.

Не-ет, – подумал вампир, – надо держаться Познавшего Тьму. Он, конечно, не шибко любит вампиров – хотя, собственно говоря, кто нас любит? – так что это никак не недостаток, скорее общее место».

Однако все эти ламентации и мелодекламации никак не приближали Ан-Авагара к главной цели, ради которой его и отправил сюда всемогущий владыка Хедин. И как приступить к ней, к этой цели, вампир не имел ни малейшего понятия.

– Вот уж никогда б не подумал, – проворчал он вслух на своём исконном языке, на том наречии, что было родным и для Эйвилль, – никогда б не подумал, что стану спасать смертных! И от кого – от своих же, можно сказать, почти сородичей!

Вампиру было страшно. «Ну, да, – признался он себе наконец. – Я боюсь. Гнева Хедина. Морндрагу он, помнится, заехал по физиономии сапогом, клык один сломал – когда тот, безумец, попросил у него пресловутой «крови богов», крови,

которой Хедин поделился с умиравшей Эйвилль, спасая её. Бедняга Морндраг тогда чуть не лишился рассудка, околачиваясь слишком близко к шатру Познавшего Тьму, ну и… нанюхался, как говаривают гномы.

За что и получил, по заслугам, несомненно. Всякий, кто получает, получает по заслугам», – самодовольно подумал вампир, гордясь собственными рассуждениями.

Но рассуждения рассуждениями, однако они ни на полпальца не приближали его к решению – как собрать елико возможно неупокоенных душ и направить их по Чёрному Тракту. Там, внизу, в царстве Хель, должно быть, ещё оставались те, что примут души усопших и распорядятся обычным манером; но вот как доставить эти души туда?

Тянуть дальше было уже нечего. Ан-Авагар совсем по-человечески вздохнул, беспомощно озирая пустую, залитую мраком равнину. Луна утонула в тучах, света проглядывавших в прорехи облачного покрывала звёзд не хватало. Впрочем, обычного зрения вампиру и не требовалось.

Он невольно вспомнил, как «позвал» старый погост в том далёком и странном мире, где его поймали на крючок «Наблюдающие». Ан-Авагар имел теперь свои соображения насчёт как их природы, так и планов в отношении себя, но старался об этом даже не думать. Бесполезно – всё, что в его силах, он уже сделал.

Да, заклятие у него тогда получилось просто на загляденье. Хотя Клара Хюммель, конечно, его б не одобрила. Совсем бы не одобрила. Ан-Авагар вздохнул – перед глазами вновь появилась неукротимая волшебница, одетая по-мужски, в куртку, полусвободные порты, высокие сапоги, с девичьи-толстой косой, переброшенной на грудь, несмотря на замужество и детей.

«Эх, Клара-Клара, почему же о тебе думается всё чаще и чаще? Не о радостях охоты, преследования, не о лакомом предсмертном ужасе дичи, обречённой быть выпитой насухо, даже не о радостях плоти – с той же добычей, перед тем как выпить, – а о строгих глазах странной чародейки, её взгляде, гневном, взыскующем, и в то же время…»

Что в нём виделось? Женский интерес к нему, Ан-Авагару, разбившему немало сердец и при жизни, и после смерти? В конце концов, он куда как недурён собой и…

«Не ври себе», – сказал кто-то холодно и насмешливо. Вампир аж подпрыгнул от неожиданности – но нет, никого, никакие не Наблюдающие; это он сам, только он сам.

«Конечно, не шибко-то привычно говорить правду, даже себе самому? Ты для неё никто, так, временный союзник, когда понадобилось спасать её драгоценных односельчан. Она благородна и не выказала своего отвращения к тебе, вот и всё. А так… не обманывай себя, вампир. Для Клары Хюммель ты нежить и нечисть, враг рода человеческого, случайно оказавшийся ей полезен. На короткое время. И даже сейчас, после того, как вы с ней бились бок о бок, она не колеблясь вгонит тебе в шею свою наговорную шпагу с магическими рубинами, едва завидев тебя пьющим кровь какой-нибудь тупой пейзанки, вся ценность каковой, собственно, в том и заключена – служить пищей таким, как ты, Ан-Авагар, то есть сильным».

Кто-то из этих сильных будет отбирать у неграмотной дочки пахаря её хлеб, её курицу или корову. Кто-то выманит последний грошик, обманув дешёвым поддельным колечком. Кто-то заставит, ссылаясь на «право первой ночи», разделить с собой ложе. Кто-то просто отхлещет вожжами или кнутом, потому что ему или ей так захочется.

Чем они лучше его, Ан-Авагара? В конце концов, если он не выпьет жертву досуха, она останется жива; будет болеть, да, но поправится – если, конечно, он не станет устраивать ей регулярные кровопускания, за которыми придут слабость, постоянная усталость и, наконец, сон, переходящий в смерть.

Так чем же он хуже? Мир несправедлив и жесток, каждый бьётся за собственное место в нём, убивает, чтобы не быть убитым. Чародейка Клара не может этого не понимать. Никак не может!

Прежний Ан-Авагар тут бы и остановился в своих рассуждениях. Новый, родившийся в дикой схватке с им же вызванными неупокоенными на улочках Поколя, когда Клара Хюммель сражалась с ним плечом к плечу, пошёл, однако, дальше.

Все, кто обманывает, отнимает, избивает или даже насилует, не поднимали мёртвых из могил, натравливая их на живых.

– У меня имелись серьёзные основания! – пискнул Ан-Авагар и сам же оборвал себя.

«У тебя были основания, да. Истинный вампир просто сказал бы «это нужно мне, это хорошо для меня, а все остальные меня волнуют лишь в той степени, насколько это для меня же и важно». У Ан-Авагара так думать больше не получалось.

Он напустил мёртвых на живых, и этим всё сказано.

Конечно, другие «сильные», отнимавшие, грабившие, вынуждавшие работать на себя, убивали тоже. Кто быстро – подавляя бунт или просто для удовольствия; кто медленно – непосильным трудом, голодовками, холодом, но исход выходил один. Они убивали, так же как и он. Так почему же сейчас он наговаривает на себя? Чем другие способы убийства лучше тех, что довелось использовать ему? Итог от этого не менялся.

Нет, конечно, можно сказать, что умереть от голода куда легче, чем быть разорванным на куски жадными до плоти и крови мертвяками; но…

Нет. Никаких «но». «Прекрати юлить и оправдываться, Ан-Авагар. В конце концов, это недостойно твоей истинной расы, расы победителей и повелителей».

Вампир сердито сжал кулаки. Ночь катилась быстро, а в голову ему так и не пришло ни одной дельной мысли. Да тут ещё и Клара – совсем некстати. Думай, Ан-Авагар, много думай, думай прямо сейчас! Может, он и сможет увлечь за собой малую толику бесприютных душ, но требовалось-то много, много больше!

Что у него есть? Есть его пресловутый «зов», которым он подъял древнее кладбище возле Поколя, выпуская неупокоенных на волю, но не подчиняя их себе целиком и полностью. Потом, когда уже начался бой в самом селении, когда призрак девушки по имени Иссор попросил Ан-Авагара помочь против его же собственных миньонов, вампиру удалось повести за собой часть оживших мертвецов, однако далеко не всех и даже не большинство; да и подчинялись они ему весьма неохотно. И это те самые зомби или скелеты, что должны были

слушаться его беспрекословно, ибо именно он подъял их из могил!

– Этак стоючи дела не сделаешь, – сердито проворчал вампир, отгоняя образ Клары.

Он попытался «позвать». Благо вампирьего рода, особенно его лучших и сильнейших представителей (к коим не без самодовольства относил себя Ан-Авагар), что для этого им не требовались никакие некромагические ритуалы. Чародеям-людям приходилось вычерчивать сложные магические фигуры, ждать удачного сочетания звёзд, тратить редкие, порой даже редчайшие ингредиенты, составлять – и зачитывать вслух – длиннейшие вокабулы, инкантации, где малейший сбой в произношении или интонации означал крах всего ритуала и зачастую бесплатный обед в виде самого? незадачливого чародея, что попадал на зубок голодным мертвякам.

Бессмысленно кружившие вокруг вампира бледные тени дрогнули, медленно потянулись к нему, протягивая бестелесные руки, сейчас казавшиеся пустыми рукавами просторных одеяний. Угрозы для уже мёртвого вампира они являть не могли, и всё-таки Ан-Авагар поёжился. Из глубин памяти поднималось, казалось бы, напрочь забытое – страх перед нежитью и отвращение к ней, что испытывал некогда молодой и лихой охотник лесного клана Перворождённых по имени Аннээнэль Авагарро.

Имя Ан-Авагар ему дала Эйвилль.

– Цып-цып-цып… – неожиданно для самого себя прошептал вампир.

Он звал. Человеческое ухо не различило бы ни слов, ни звуков, самому Ан-Авагару казалось, что он тянет длинную руладу низких, басовых нот. Когда-то давно, в дни обучения, Эйвилль говорила, что это якобы один из древнейших языков Упорядоченного, родившийся чуть ли не с первыми живыми существами, наделёнными речью. Праязык этот и поныне имеет власть над плотью, даже мёртвой, даже если это – невещественная «плоть» души.

Так или иначе, клич Ан-Авагара действовал. Полдюжины, десяток, два, три – души устремлялись к нему, и сперва вампир даже подумал, что он, похоже, зря боялся – пригодилось и сработало самое простое из его некромагического арсенала.

Число душ росло, и с ним, однако, начинало расти и новое, неведомое Ан-Авагару ощущение – родившееся в груди, там, где сердце, оно медленно расползалось по плечам и рукам, опускалось к бёдрам – колючий и морозный холод, обжигающий давно мёртвую плоть вампира подобно пламени.

Что это? Откуда? И почему так давит на плечи, словно на Ан-Авагара одну за другой навьючивали глыбы, выпиленные из цельного льда? Вампир попытался перекинуться и взлететь, резко оборвав заклинание – получилось, тяжесть исчезла, души закружились на месте, словно в растерянности.

«Так не пойдёт», – мысленно скривился Ан-Авагар, опускаясь обратно наземь. Простые заклятия не работали, и, что называется, с налёта подчинить себе всё это множество бесприютных душ у него не получалось. «Наверное, – пришла досадная мысль, – тут и впрямь надо быть богом. Хоть немного, но богом».

Души вновь кружились вокруг него, но теперь ему казалось: он слышит их немой крик. Множество голосов тянуло одно-единственное слово, хоть и на разных языках Большого Хьёрварда:

– Кровь.

Так, наверное, зудят комары.

Вампир вздохнул и принялся чертить магическую фигуру. В конце концов, всякий из его племени заткнёт за пояс любого некроманта-человека.

Мёртвые на Гнипахеллире ждали.

Глава I

Исход Древних Богов

– Пришло твоё время, племянник, – сказал великий О?дин, Отец Богов и Дружин, Ас Воронов, владыка Асгарда, носитель Гунгнира и прочая, и прочая, и прочая.

Глубоко за самыми потаёнными мирами Упорядоченного, возле врат запретного для живых домена Духа Соборной Души, Демогоргона, – вскипала невиданная битва.

Уже сражался, собрав на себя полчища неупокоенных духов, Водитель Мёртвых Яргохор, он же бывший Молодой Бог Ястир из забытых времён, из эпохи ещё до Первого Дня Гнева; а сейчас к бою готовился и чудовищный волк Фенрир, сын бога Локи и великанши Ангрбоды, брат мирового змея Йормунганда и Хель, владычицы царства мёртвых Хьёрварда.

Волку достался более привычный враг – орда самых причудливых чудовищ катилась навстречу великому зверю, чей хребет поднимался выше многих гор.

Она катилась от той черты, что разделяла владения Демогоргона и области Сущего, в которых смертная плоть ещё может существовать. Там не могло обитать никаких монстров – но в Упорядоченном нашлись силы, что сумели открыть им туда дорогу. Через портал, как-то ещё – Старый Хрофт не знал.

Да сейчас это уже и не имело значения. Дочь О?дина, валькирия Райна, зажмурившись, стояла рядом, покачиваясь, словно шаман в трансе, – она сейчас вела главную битву, уйдя глубоко в области, куда не было хода даже самому Старому Хрофту. Какие враги встали у неё на пути, какие преграды – кто скажет? Но Отец Дружин знал: его дочь наступает, она не повернула назад и не сдалась. Кто знает, что ей пришлось бросить на весы боя там, в областях, где могут оказаться бессильными даже мечи, помнящие силу старого Асгарда? Что пришлось поставить на кон?

Нет, он не будет думать об этом сейчас. У каждого – свой собственный бой, его и веди. Валькирия выдержит, ведь на то она и валькирия.

Фенрир тем временем вскинул мохнатую голову, разинул пасть, зарычал и сорвался с места. Один прыжок его покрывал целые поприща – но там, в привычном Старому Хрофту Упорядоченном; здесь же, казалось, исполинский волк остаётся на месте, только почему-то уменьшаясь.

А потом волна чудовищ докатилась наконец до сына Локи, и волчьи челюсти лязгнули, морда Фенрира мгновенно окрасилась тёмной кровью. Его клыки,

казалось, не ведают преград, дробя с равной лёгкостью и плоть, и кость, и рог, и чешую, и даже железо.

Воронка мёртвых меж тем вновь сомкнулась над Яргохором, медленно, шаг за шагом тесня его ближе и ближе к тому месту, где застыли О?дин и Райна.

Пальцы Отца Богов пробежались вдоль эфеса. Альвийскому мечу предстояло много работы.

* * *

Золотой луч тянулся из-под ног Райны, убегая вдаль, к неоглядно раскинувшимся ветвям Великого Древа. Там, на суку шириной, наверное, в несколько лиг, раскинулся Асгард – такой, каким его запомнила Рандгрид, отправляясь на Боргильдово Поле. Высоко взнесены золотые щиты на крыше Валгаллы, солнце радостно играет на вечноначищенном, никогда не тускнеющем металле, и от врат заветного города асов прямо навстречу валькирии движется процессия – знакомые с детства фигуры. Несмотря на расстояние, Райна узнаёт их тотчас: Тор, Хеймдалль, Браги, Ньорд, Фрейя, Идун и другие; вот выступает плечистая, широкобёдрая и тяжелогрудая Йорд, богиня земли, мать Тора; вот Сиф с её роскошными золотыми волосами; а вот и гордая Фригг, так долго презрительно щурившаяся на валькирий, не в силах до конца смириться с вечными изменами Отца Богов.

Все они оставляют своё бестелесное пристанище, бывшее их тюрьмой нескончаемые эоны, и идут, идут прочь от него, из мира призраков – в мир живых.

Да и то сказать – кто способен окончательно и безвозвратно погасить искры божественного дыхания самого Творца, из которых и родились древние боги, подобные О?дину?

Так, во всяком случае, кажется в тот миг Райне.

Себя она ощущает всемогущей. Кто, кто ещё способен сокрушить врата самой смерти, вырвав из её когтей давно павшую родню?

Альвийский меч в руке Райны сейчас словно живёт собственной жизнью. Он чутко улавливает потоки свежей, новосотворённой силы, что изливается от пределов Демогоргона, вбирает её в себя; валькирия разом и чертит ведомые ей руны, и слагает висы, подобные тем, что помогали ей забирать в Валгаллу павших героев, не отдавая их души притяжению Чёрного Тракта.

Райна нынешняя, странствующая воительница, не былая валькирия Рандгрид, не отдала бы пасти Хель вообще никого: ни мужа, ни жены, ни детей, ни даже неродившихся младенчиков, умерших в утробах матерей. Воительница Райна явилась бы на совет богов, вогнала бы свой меч в столешницу, она бросила бы вызов всем и каждому, даже собственному отцу – потому что никто не может быть обречён вечности мук.

А в прежнем мире, которому со всей страстью служила валькирия Рандгрид, всё было именно так. За нескончаемыми веками и тысячелетиями в Хель должен был последовать Рагнарёк и последняя, всеобщая гибель.

Обитателям царства Хель, наверное, тот день показался бы великим, долгожданным избавлением от нескончаемых мучений.

Водитель Мёртвых Яргохор щедро делился с Райною силой, исторгаемой его неотразимым клинком; её то и дело приходилось пускать в ход, когда – чувствовала валькирия – перед возвращающимися асами появлялась какая-то преграда. Сперва её, эту преграду, альвийский меч рубил если не с лёгкостью, то и без особого труда; но раз за разом стены эти становились всё прочнее и толще, меч увязал в них; а потом валькирия вдруг поняла, что стоит на узкой золотой дорожке, едва ли в локоть шириной. Перед ней справа и слева поднимались точёные винтовые колонны, врата без створок, покрытые тонкой резьбой, – вереницы коленопреклонённых существ и людей, и похожих на них, и совсем непохожих, ползли куда-то вверх, словно поклоняясь кому-то, но кому – Райна разглядеть не могла.

Справа и слева от врат она увидела пару важных, надменного вида бородатых стражей, не в боевом облачении, не в доспехах, а в длинных, ушитых золотом и жемчугами жреческих одеяниях, покрытых какими-то символами, больше смахивающими на те, что использовали в своих ритуалах люди-некроманты – чьих немало голов было срублено мечом самой воительницы Райны.

В руках эта пара держала вычурные посохи, обвитые золотыми змеями и увенчанные хрустальными бубенцами, невесть зачем туда водружёнными. В общем, эти двое походили скорее на почётную охрану сераля, но никак не на стражу самых тайных пределов Упорядоченного.

Бороды их, чёрные, слегка вьющиеся, были тщательно расчёсаны, напомажены и умащены благовониями. Свободно спадающие туники не могли скрыть внушительных животиков.

Альвийский клинок затрепетал в руке Райны, словно требуя крови.

Но пара бородачей совсем не показалась валькирии враждебной или хотя бы грозной. Глядели они на неё строго, но и только.

А ещё она не чувствовала в них ни грана страха или неуверенности. Несмотря на её видавшую виды броню и альвийский меч в руках, где древняя сила Асгарда сплавлялась и с новой, порождаемой сражавшимся Водителем Мёртвых, и с той, что изливалась сама по себе из пределов Демогоргона.

– Остановись, – пробасил один из стражей, тот, что стоял справа.

– Никто не пройдёт дальше, не доказав, что достоин, – добавил тот, что слева.

Обычное дело, подумала валькирия.

– Спрашивайте, – бестрепетно сказала она.

– Опусти меч, храбрая, – без зла, но с некоторым напором сказал правый страж.

Райна повиновалась – однако альвийский меч подчиняться отказывался. Рука валькирии напряглась, вены вздулись, клинок медленно и нехотя уставился вниз, хотя остриё его упрямо подрагивало, точно норовя уколоть, несмотря ни на что.

– Что есть нисходящее с престола? – спросил правый страж.

– И что видит оно, сделав первый шаг? – тотчас подхватил левый.

«Загадки. Ненавижу загадки», – подумала валькирия. В её странствиях воительницей ей встречались пару раз пренеприятные создания, обожавшие тем не менее эту древнюю игру.

Правда, когда они пытались сыграть с валькирией, заканчивалось всё это одинаково – снесённой с плеч башкой чудища.

– Для чего всё это? – ответила вопросом на вопрос воительница. – У меня нет времени на ваши глупости. Я спасаю своих. Вывожу из царства мёртвых. Отойдите, вы, оба!

Бородачи переглянулись, однако в их глазах по-прежнему не появилось страха или хотя бы озабоченности, лишь лёгкое сожаление.

– Ты не готова, – хором объявили они, торжественно приподнимая разукрашенные посохи. – Мы не пропустим тебя.

– Тогда я пройду сама. – Меч взмыл для атаки.

– Недостойная, опомнись! – опять же хором воззвали бородатые стражи.

– Прочь с дороги! – рявкнула Райна, размахиваясь клинком.

Лезвие со звоном врезалось в левую колонну, вдруг оказавшуюся прямо перед валькирией. Резной камень взорвался облаком радужных осколков, врата обрушились, и всё исчезло.

Потрясённая, воительница вновь увидала перед собой тянущуюся вдаль золотую дорогу и приближающиеся по ней тени асов – увы, всего лишь тени. Вырвавшиеся из царства мёртвых древние боги не имели плоти, и взять её им было неоткуда.

Там, далеко-далеко, на ветви Великого Древа, стены и крыши казавшегося игрушечным Асгарда медленно обваливались, тонули в поднявшихся волнах золотистого пламени. Обратной дороги для теней асов не оставалось.

Валькирия не успела подивиться, насколько легко ей достался этот прорыв через первые врата, – а перед ней уже появились следующие.

И вновь – узкая золотая дорожка, четыре резных столпа и четверо стражей. Одежда – роскошнее, бороды – длиннее, и в них вплетены бусины из драгоценных каменьев, а сами посохи наполовину сделаны из сияющих рубинов. На ниспадающих одеяниях столько золота, что они могли б служить панцирями.

Было что-то неправильное в этих благовониях и драгоценностях, холёных бородах и дородных телесах, явно не знававших воинских тягот.

Ворота, колонны, резьба, стража, совершенно не похожая на стражу…

На сей раз Райна заговорила первой:

– Я не знаю никаких ответов и знать не хочу! Мне просто надо пройти! Я спасаю своих!

– Неразумная, – с печалью ответил ближайший страж, слегка пристукнув посохом; золотая дорожка зазвенела, словно и впрямь из металла. Больше всего он походил сейчас на учителя, огорчённого внезапной и глупой ошибкой лучшего из подопечных. – Заёмная сила твоего меча не доведёт тебя до конца дороги. Только твоя собственная.

– А её-то ты сейчас и отвергаешь, – подхватил другой страж.

– Сила – это глупые загадки? – крикнула Райна, замахиваясь.

Бородачи подались в стороны. Как и первая пара, они спокойно расхаживали над бездной, однако не похоже было, чтобы кто-то куда-то собирался проваливаться.

Альвийский клинок ударил в извив резной колонны, прошёл до половины и застрял. Стража, однако, не воспользовалась этим, не попыталась атаковать валькирию, дала ей время, чтобы, застонав от напряжения, выдернуть меч, словно из древесного ствола.

– Сила – это знание, – ответил третий страж.

– Придумай… что-нибудь… поновее! – Райна рубанула вновь, и на сей раз альвийский меч, взвыв от ярости, сшибся с подставленным посохом. По рубиновой поверхности пробежала огненная волна, но разукрашенный, нелепый и совершенно непригодный для боя посох бородача без труда отбросил альвийский клинок.

– Остановись, неразумная!

– Никогда! – взвыла Райна. Шаг, удар круглым щитом, клинок выброшен на всю длину руки, остриё должно пробить лоб бородатому стражу – но оружие валькирии отшиблено в сторону невесть откуда взявшимся посохом другого хранителя.

Воительница была не из тех, кого испугало бы или ввело в растерянность внезапно открывшееся умение противника. Прикрывшись щитом и слегка сгорбившись, она вновь шла в атаку, не смотря под ноги и доверяя лишь опыту великого множества сражений. Она способна была если не танцевать на проволоке, то, во всяком случае, перейти по ней над пропастью.

Стражи встретили её дружно, прикрывая друг друга, но не пытаясь напасть сами.

– Меч – не главное оружие твоё, неразумная, – услыхала она уже после того, как её клинок вновь оказался отбит.

Райна лишь сжала зубы.

Валькирии не отступают и не сдаются.

* * *

Фенрир рвал и размётывал накатившую на него волну чудовищ. За сына Локи можно было не беспокоиться, а вот Яргохор шаг за шагом отступал, сдавливаемый серой воронкой. Она теперь раскинулась, насколько мог окинуть глаз, из пелены порой выныривало или серое лезвие Водителя Мёртвых, или его островерхий шлем, сейчас лишившийся самого навершия и пробитый в

нескольких местах.

«Торопись, дочь, – сжав зубы, подумал Старый Хрофт. – Торопись, Ястир долго не продержится… да и Фенрир, кстати, тоже!»

Там, где только что волк успешно расправлялся с легионами бросавшихся на него чудовищ, судя по всему, нимало не боявшихся жуткой кончины от его зубов, появилась новая волна.

Шли медленные, но зато прикрытые бронёй до самых глаз исполины, шестиногие ящеры, вся шкура которых состояла, казалось, из одних костяных рогов. Длинные хвосты увенчивались внушительными шипастыми шарами, клыки запросто поспорили бы с фенрировыми. Ростом каждый из приближавшихся исполинов заметно превосходил сына Локи.

«Торопись, моя Рандгрид. Торопись. Кто-то бросает на нас поистине несказанную мощь, чтобы только вынудить тебя, моя дочь, повернуть назад».

Толчок силы заставил Отца Богов вздрогнуть, альвийский меч взмыл, готовый и защищаться, и атаковать.

– Это всего лишь я, великий бог О?дин.

Гулльвейг, в чёрно-золотой броне, несколько походившей на ту, в которой она командовала полками Ракота, небрежно улыбнулась. Мать Ведьм явилась без оружия.

Клинок Старого Хрофта нацелился незваной гостье в горло.

– Что тебе надо? Изречь какую-нибудь многозначительность, туманную и непонятную, и потом вновь исчезнуть под крылышком твоего покровителя? И не подходи к моей дочери!

Гулльвейг послушно остановилась, подняв безоружные руки.

– Не бойся, Отец Дружин. В конце концов, от меня тебе бывала и польза, вспомнить хотя бы мой амулет. Он ведь неплохо послужил тебе – Золотым

Мечом, не правда ли?

О?дин не ответил. Лицо Райны покрывал пот, руки подёргивались, губы шептали какие-то слова, и Отец Дружин готов был поклясться собственными священными браслетами, что слова эти – не на языке Хьёрварда или Асгарда, и вообще ни на одном из известных ему наречий.

Гулльвейг склонила голову набок; вычурный шлем, казалось, был соткан из дыма и тумана.

– Ты сделал выбор, и это хорошо, – объявила она наконец.

Старый Хрофт ничего не ответил, лишь крепче сжал пальцы на эфесе. Она заговаривает ему зубы, в то время как все остальные сражаются – и Ястир, и Фенрир, и в особенности Райна!

– Тебе уже передавали послание? Помощь идёт. Тебе достаточно лишь принять её. А иначе – воинство Познавшего Тьму скоро будет здесь, они крушат последние преграды – по-другому-то и не умеют ведь! – и, боюсь, встреча твоя с учениками великого Хедина не выйдет особенно тёплой, мой О?дин.

Тот вновь не ответил.

Гулльвейг подняла бровь.

– Что ж, молчи, если хочешь. Я, в конце концов, всего лишь посланница. Тебе даже не интересно, куда я спрятала Мьёлльнир, знаменитый молот твоего старшего сына, и как он мне достался?

– Всё рано или поздно вернётся к законному владельцу, – прорычал Старый Хрофт. – Мы подождём. У нас впереди вечность.

– Не стала б утверждать это с такой уверенностью, – усмехнулась Мать Ведьм. – Время, отпущенное этому миру, истекает. Я, Гулльвейг, благословенная знанием и посмертием, знаю это. Тебе выбирать, Отец Богов, с кем ты – с победителями или с побеждёнными?

– Ты могла б и не спрашивать, – рыкнул Старый Хрофт. – Ибо сама всегда и везде оказывалась в рядах тех, кто брал верх. Тебя видели и в рядах ратей Ракота, и в армии Молодых Богов. Ты ведь с редкостным умением – или везением? – и впрямь неизменно оказывалась в стане победителей или хотя бы побеждающих на тот момент.

– Вот именно, – усмехнулась Гулльвейг. – Я женщина, а женщины должны жить. Мужчины могут полечь почти все, они – расходный материал, но женщины обязаны уцелеть, и потому совершенно не важно, на какой стороне они сражаются.

– Мило, мило, – поморщился Старый Хрофт. – Предатели вечно находят себе оправдания.

– Всё это глупые мужские выдумки, объяснения собственной негибкости, страха перед жизнью и трусливого бегства в «достойную воина смерть», – улыбнулась Гулльвейг. – Но прошу тебя, великий бог, склони свой слух к моему предостережению. Миру суждено измениться. Ты знаешь, я была глашатаем первой войны, меж ванами и асами, из-за меня пролилась первая кровь в Хьёрварде. Но сделала я всё это ради великой цели. И ради неё же сейчас говорю тебе – прими помощь, спаси своих сородичей, и пусть всё остальное канет в бездну, ибо такова участь любого из тварных миров – каких-то раньше, каких-то позже. Спасай кого можешь, бог О?дин, ибо очень скоро тебе придётся бежать отсюда. Но в одиночку ты этого не сделаешь. Поэтому мой тебе совет, на правах старого… – она лукаво улыбнулась, провела кончиком языка по губам, – на правах старого друга позволь уж посоветовать тебе не отказываться от подмоги.

– Что тебе в этом, Мать Ведьм? Кому ты служишь и почему говоришь мне всё это?

– Сильное должно жить, древний бог О?дин, а всё, что мешает ему, что против закона естества даёт дорогу слабому, должно уйти. Это старый закон, верный закон, закон, которому ты сам следовал столько веков. Ты выбрал правильную сторону, мой Старый Хрофт, и, не скрою, я рада. И пусть твоя прославленная гордость не затуманит тебе взоры. А Мьёлльнир… думаю, мы договоримся с твоим сыном, когда он окончательно вернётся – уже как бог грома Тор, не как бесплотная тень. Я служу Сущему, от первого мгновения до последнего, великие силы вырвали меня из привычного бытийного круга – я не выбирала собственной

судьбы. Я – глашатай.

– Сколько красивых слов, ведьма, и никакого смысла.

– О сложном не говорят просто, Древний Бог.

– Как знаешь, – отвернулся О?дин. – У меня есть битва, которую нужно выиграть. И, в отличие от Боргильдовой, я это сделаю!

– Разумеется. Но не в одиночку.

– В одиночку или нет – неважно. Буду рад любому, кто встанет сейчас рядом со мной, – будь то хоть сам Ямерт!

– Я бы не удивилась… – прошелестела Гулльвейг. Чёрная броня подёрнулась туманом, её словно развеивало ветром, будто она – из наилегчайшего пепла. – До встречи, Древний Бог, мы ещё свидимся. А пока – принимай подмогу! И помни, кто встал рядом с тобой, а кто пытался помешать.

– Не волнуйся, не забуду, – бросил Отец Богов, не глядя больше на ведьму. – Уходи. Пока что никакой помощи я не вижу.

– Терпение… – донеслось из тёмного облака, раздуваемого неощутимым для других ветром. – Твой выбор сделан, колесо Судьбы повернулось. Жди, великий О?дин, и помни, чью сторону ты выбрал сегодня.

Гулльвейг скрылась, и Старый Хрофт, кусая губу, подступил к зажмурившейся, застывшей в трансе Райне. Веки её чуть подёргивались, кулаки сжаты, костяшки белы.

– Держись, дочь… – прошептал Владыка Асгарда. Рука его невольно потянулась – коснуться плеча ведущей неравный бой валькирии, передать хоть часть собственной силы, – но поспешно отдёрнулась.

Нельзя. Не время. Великое Равновесие не прощает ошибок, а пройти предстоит поистине волосяным мостом, повисшим над огненной пропастью.

Держись, валькирия. Это куда тяжелее, чем на Боргильдовом Поле.

* * *

Четверо стражей золотой тропы, разодетых, напомаженных, с вычурно-завитыми чёрными бородами, с длинными разукрашенными посохами, в долгополых одеяниях, расшитых золотыми узорными бляхами, оказались непобедимыми противниками. Сперва они лишь защищались; но, словно убедившись, что валькирия не может даже зацепить их, сами перешли к нападению. И теперь уже всё искусство Райны требовалось, чтобы лишь отразить их атаки; отбить, уклониться, ещё отбить, принять невесть откуда взявшийся посох краем щита, вновь уклониться – и отступить на шаг.

На шаг дальше от заветных врат.

– Пропустите… меня! – задыхаясь от ярости, выкрикнула она.

– Ты недостойна, – последовало невозмутимое.

Здесь не дают советов и не отвечают на вопросы. Здесь лишь безжалостные судьи, им нет дела, кто ты и откуда, важно лишь, ведом ли тебе ответ.

Но она, Рандгрид, Разбивающая Щиты из Высокого Асгарда, дочь Аса Воронов, явилась сюда не для того, чтобы стоять со смиренно опущенной головой, не для того, чтобы покорно принять чужой вердикт.

До ворот теперь дюжина шагов, и стражи остановились. Они отбросили недостойную, им этого хватало, во всяком случае, пока.

Невольно Райна подумала, сколько таких героев смогли достичь этой точки, подняться так высоко – или, напротив, занырнуть настолько глубоко, это как посмотреть, – и сколько раз эти сущности встречали их своими неизменными вопросами. Они сторожат дорогу мёртвых, последний отрезок тракта падших богов; и, наверное, досконально изучили все уловки тех, что пытались прорваться. Чем можно их удивить, чего они никогда не видели, чего никогда не станут ожидать от воительницы?

– Вы победили, – хрипло сказала она, опуская меч. – Я поворачиваю назад. Мне не пройти.

Четверо стражей переглянулись. Если они и растерялись, на лицах их это никак не отразилось.

– Отсюда нельзя уйти, воительница, – сказал один из них. Сказал без выражения, без гнева, злости или хотя бы неприязни. Сочувствия, впрочем, в голосе его не слышалось тоже. – Дорога идёт лишь вверх. Адепт, переоценивший себя, гибнет. Ты зашла слишком далеко. Прощай.

Райна сделала ещё шаг назад – и внезапно ощутила за спиной бездну. Самую настоящую, не имеющую дна, именно что «бесконечную». Это была истинная бесконечность, уходящая меж слоями реальности в тонкие, тончайшие щели между мельчайших частиц, мельчайших кирпичиков Сущего. Голова начинала кружиться от одного ощущения, что эта ждущая пасть распахнута.

– Прощайте, коли так, – как можно равнодушнее сказала валькирия. – Что бы вам пожелать этакого… ну, не скучайте тут.

– Престол не знает, что такое скука, – неожиданно откликнулся другой страж. – Прощай. У нас нет зла к тебе.

– У меня тоже, – развела руками Райна. – Только вы забыли кое-что, дорогие мои.

Все четверо одинаковым движением подняли брови, как бы в преувеличенном удивлении.

– Я не простая смертная. – Золотая дорога за спиной Райны растворялась, теряя воплощённость, становясь истинной пустотой. Ловчая бездна ждала жадно, но в то же время и терпеливо.

– Нас нельзя победить силой мечей… – начал было бородатый стражник с рубиновым посохом, но Райна уже сорвалась с места.

Это как на рее качающегося в штормовом море «дракона». Это как пробежать на далеко выставленном от борта весле, ловко балансируя над волнами и вызывая

восторженный рёв морской дружины. Или мчаться, стоя на седле крылатого коня, встречая яростной песней поднимающийся над полем боя рассвет, и уносить с собой ещё одного героя, достойного Валгаллы.

Ступня валькирии нащупала край золотой дороги, и тотчас она ринулась прямо в бездну, прыгнув в сторону и мимо бородатых стражей. Альвийский меч спрятан в ножны, и свободная правая рука цепляется за незримый край колдовской тропы; равнодушная бездна уже почти сомкнула ледяные клыки, но валькирия, закричав от рвущей плечо боли, вздёрнула себя обратно, на узкий карниз, пролёгший меж жизнью и смертью, разом оказавшись за спиной у четвёрки стражей.

Едва ли какой из смертных воинов, неважно, сколь сильный или отважный, сумел бы проделать что-то подобное.

Свист рассекающего здешний «воздух» лезвия. Меч Райны врезался во вратный столп, окутываясь облаком радужных брызг.

– Безумная! – закричали разом все четверо стражей, но было уже поздно. Врата рушились, складывались, рассыпались многоцветной пылью, оседали, обращаясь в ничто.

Оставалась только золотая тропа, блистающая, ничуть не потревоженная.

Четвёрка переглянулась, опустила посохи.

– Не стоит смеяться над валькирией Асгарда. – Голос Райны срывался. – Не стоит грозить ей безднами. Она пройдёт всё равно.

– Глупая, – мрачно и безнадёжно сказал стражник. – Ты не готова. Меч ничего не значит…

– Это я уже слышала. – Райна едва удержалась, чтобы не показать разодетым бородачам язык. – Прощайте, друзья! Обратно нас пойдёт уже куда больше.

– Если на то будет воля Престола. – Стражи в упор смотрели на Райну. – Но ты только что открыла врата великим бедствиям в тех мирах и ойкуменах, что

почитаешь своими.

– С бедствиями мы разберёмся сами. – Райну подхватила волна небывалого, обжигающего счастья. Она прошла! Прошла! А всё остальное значения уже не имеет.

– Что ж, разбирайтесь. Но не вини в этом Престол, – откликнулись стражи. Словно отбыв свой срок, сейчас они исчезали сами, таяли, растворяясь в пустоте. – Хитрость и ловкость не значат готовность. Ни очи твои, ни разум не готовы ни узреть, ни осознать лежащее впереди. Ты недостойна, и потому погибнешь. Нам жаль тебя, ты смела и красива.

– Поберегите слова. Не тратьте даром.

Валькирия пожала плечами. И, взяв меч наперевес, двинулась по золотой тропе дальше, к маячившим вдалеке исполинским ветвям Мирового Древа.

Как она станет возвращаться, она пока что не думала.

* * *

И Фенрир, и Ястир медленно отступали – к нему, О?дину, – не в силах сдержать напор и живых, и мёртвых врагов. Меч Яргохора взлетал над серыми волнами всё реже, и даже неукротимый сын Локи пятился – огрызался, расшвыривал врагов, но всё же отступал.

Райна тоже сражалась с кем-то, там, в своём собственном мире, и, судя по перекошенному лицу, обильно льющемуся поту и содрогающимся плечам, там тоже кипело горячее дело.

Старый Хрофт исподлобья оглядел поле битвы. Сейчас, ещё немного, ещё самую малость…

Как там оставшийся позади чародей Скьёльд? Уже доложил своей родне обо всём случившемся, а эта родня поставила в известность их покровителей?

Во всяком случае, Отец Дружин, сейчас – твой главный бой, главнее даже, чем Боргильдово Поле. Тогда ты не знал, с чем имеешь дело, против кого или чего выходишь; на сей раз ты всё знаешь точно.

И вот от того, правильно ли ты всё рассчитал, сумел ли ты сравняться в искусстве составления планов с самим Познавшим Тьму – ну, с небольшой поправкой, твои планы должны всё-таки работать, – от этого зависит много, много больше, чем просто посмертная судьба асов, больше, чем возрождение Асгарда.

Фенрир в очередной раз стряхнул вцепившихся ему в бока и передние лапы тварей, взгляд его на миг скрестился со взглядом О?дина.

Бессмертный волк завыл, и в этом вое на сей раз слышалось отчаяние.

Пора.

Лёд страха таял, пламя ярости, предвкушение боя поглощало Отца Богов, но, в отличие от Боргильдовой Битвы, он не дал воли никакому чувству.

– Принимаю вашу помощь, – проговорил он вполголоса, не сомневаясь, что его услышат.

Время таяло, подобно льду под солнечным лучом, пятились Фенрир и Яргохор и… ничего не происходило.

Где-то очень далеко – и одновременно где-то рядом, за складкой реальности, запели знакомые рога. Ученики – или, вернее, подмастерья великого Хедина. Они торопятся, они спешат…

– Вы опоздали, хранители уходящего! – выкрикнул Старый Хрофт, потрясая клинком, и альвийская сталь полыхнула излюбленным её творцами фиолетовым.

Едва ли воины Познавшего Тьму услыхали его, они, быть может, даже могли его видеть, но, подобно рыбе в пруду, глядящей вверх, на небо, не могли пересечь границу, отделявшую домен Демогоргона от всего остального.

Пространство рядом с Отцом Богов застонало, вспухая, словно живот роженицы. Неведомые силы раздували его, изгибая и продавливая целые пласты, норовя прорваться мимо всех путей и дорог прямо сюда, в цитадель Соборного Духа.

Взметнулись иссиня-чёрные волны, оборачиваясь разлетающимися перьями – словно громадный ворон, расправляя крыла, рассёк неподатливый холст реальности.

На мгновение О?дин словно погрузился в холодную сырую тень – призрак чудовищной птицы поднимался быстро, и последнее, что сумел запомнить Старый Хрофт, был пристальный взгляд, ударивший Древнего Бога, словно таран; но разглядеть, что за глаза были у страшного гостя, О?дин не успел.

А следом за растаявшим вороном один за другим стали выныривать, словно наконечники стрел, зелёные кристаллы Дальних.

И не только они.

Словно пропитанный угольной пылью ветер ворвался следом за пробившими наконец броню реальности острыми смарагдами. Облака стремительно стягивались в тёмные коконы, оборачиваясь чёрно-алыми исполинами с широкими крыльями за спиной и увенчанными короной рогов головами.

Демоны. Снова они. Не случайно, получается, вились они вокруг дороги мёртвых богов, не случайно оказались здесь. Слуги Дальних? Союзники? Или служат эти создания совсем другим, иной силе, что пока не явила себя в открытую?

Изумрудных кристаллов было множество, и из серой мглы выныривали всё новые и новые. Застывали в неподвижности, внутри начинали перемигиваться какие-то огни, вспышки метались под гладко отполированными гранями, а в голове Старого Хрофта зазвучал вдруг спокойный, лишённый всякого выражения голос – словно слитый из сотен и сотен других, слитый настолько искусно, настолько слаженно, что и невозможно отличить один от другого.

– Мы поможем тебе, древний бог О?дин. Ты сделал правильный выбор. Без нас ты не смог бы достичь желаемого. Хедин и Ракот никогда не позволили бы тебе.

– Я знаю, – громко ответил Старый Хрофт. – И сейчас нам нужна помощь. Моя дочь, мой племянник и мой друг изнемогают в неравной борьбе…

– А на плечах у тебя – могучая армия Познавшего Тьму, – резко перебил голос Дальних. Или, вернее, «хор» Дальних. – Ты понимаешь, что теперь, если тебе удастся задуманное, дороги назад уже не будет?

– Когда я сомневался или колебался, если речь шла о том, сражаться или нет? – рыкнул в ответ Владыка Асгарда.

– Хедин и Ракот не прощают предательства, – зачем-то напомнил Дальний.

– Я стою за справедливость. Это превыше всего, – отрезал Старый Хрофт.

– Тогда смотри, – пафосно провозгласили Дальние. – Смотри и дивись нашей мощи!

Губы Старого Хрофта дрогнули, складываясь в угрюмо-презрительную усмешку.

– Меньше слов, соратники.

– Ты прав, – неожиданно согласились Дальние.

Грани смарагдовых исполинов полыхнули режущими, блескучими вспышками. Полчища демонов мириадами срывались с места, расправляя широкие крылья, выпуская когти и показывая клыки. Иные из них обнажили оружие – широкие иззубренные мечи, какие не поднимет ни один силач.

Подобно пчелиному рою, демоны взвивались сотнями и тысячами, устремляясь туда, где кипела битва. Они ринулись на противников Фенрира, сшиблись с ними грудь в грудь; клыки и когти рвали кажущуюся несокрушимой броню, чешуи поддавались изогнутым мечам, и чудовища на миг попятились, не в силах сдержать внезапную атаку.

Правда, и демоны гибли во множестве, рассыпаясь той же угольной пылью, которой они сюда ворвались.

Однако погибали и их враги, волк Фенрир встряхнулся, его бока и лапы оказались свободны, хоть и покрыты кровью; завыл, прыгнул, завертелся, расшвыривая в разные стороны изодранные на куски туши чудовищ.

– Демоны – ваши слуги? – не удержался Отец Дружин.

– И да, и нет, – с неожиданной охотой ответили ему. – Они – часть великого плана того, что воздвигнется, когда не станет самого Упорядоченного, а всё, прожившее в нём, воплотится в новом Творце.

– Вот даже так?

– Смейся сколько угодно, Древний Бог, но всё на свете имеет своё начало и свой же конец. Наше Сущее, что многие полагают вечным, – тоже. Мы пришли в него последними, мы – последняя мысль Творца, мы должны, когда исполнятся все условия, завершить великий цикл – дать жизнь новой монаде, что, в свою очередь, когда-нибудь даст жизнь новому Упорядоченному.

– А как же все, что живут здесь? Все миры, все смертные и бессмертные?

– Бессмертных нет, древний бог О?дин. Бессмертен лишь Творец. Мы тоже уйдём вместе со всем Упорядоченным.

– И вас это… не волнует?

– Мы лишь исполняем предназначенное. У нас нет свойственного живущим поодиночке страха перед тем, что вы называете «смертью».

– Но мои сородичи…

– Будут наслаждаться жизнью, – перебили его Дальние. – До срока. Кажется, в ваших преданиях тот день звался Рагнарёк.

– Да, и что?

– А то, что потом исполнится вами же предсказанное, но не понятое – появится новый Творец и новый мир. Всё, как вы и говорили. Пойми, Древний Бог, мы не

оскверняем себя ложью. Правда – сильнейшее оружие. Нам нет нужды врать, изворачиваться и что-то скрывать. Видишь, твои друзья уже наступают?… Мы выполняем обещанное.

– Но, я так понимаю, что-то попросите и взамен?

– Нет, не попросим. Ты сам станешь сражаться теперь на нашей стороне, Древний бог О?дин, ты и твои сородичи. Хедин и Ракот подобны плотине, что загораживает собой свободный бег потока. Мы призваны убрать эту преграду. А что до «смерти Сущего»… Умирает ли малый ручеёк, впадая в полноводную реку? И умирает ли эта река, впадая в океан?

Ухмылка Старого Хрофта, сумрачная и недвусмысленная, казалось, говорила – у меня есть что вам ответить, но какой смысл?

Да, умирают, хотелось сказать ему. Унесённая в солёный океан рыба, привыкшая к жизни в реке, погибнет. И точно так же погибнут обитатели солёных морей, если вздувшиеся от невиданных половодий реки изольются в морские заливы огромными массами пресной воды. Жизнь, кипевшая в лесном ручейке, не сможет выжить в большой реке. Жизнь большой реки – лишь до границы океанских вод. Всё имеет свой предел, свой исток и своё устье.

Но это не значит, что надо дать умереть малому лесному ключу, склонившимся над ним папоротникам, лягушкам и головастикам, тритонам, мелкой рыбёшке, жукам и личинкам, водомеркам, стрекозам и вообще всем, кому щедро дарит возможность жить скромный ручеёк, булькающий в глубоком овраге.

Но вслух Отец Дружин ничего этого не сказал. Лишь сощурился, продолжая молча взирать на разворачивающуюся перед ним битву.

Меж тем часть демонов сумела вмешаться и в схватку Яргохора с валом валящими духами. Крылатые существа зависали на миг над воронкой и рассыпались знакомой уже угольно-чёрной пылью. Пыль густой завесой оседала вниз, и серую муть словно пронзало бесчисленно-аспидными стрелами. Яргохор упёрся – и перестал отступать.

– Теперь твоя дочь должна завершить дело, – услыхал Старый Хрофт. – А потом придёт самая главная подмога. Ждать совсем недолго.

* * *

Райна бежала по узкой золотой тропке. Мировое Древо поднималось перед ней во всей красе, исполинское, обнимающее ветвями всё Сущее, пребывая разом и далеко, и близко, за тонкой, почти неощутимой складкой реальности. Ветви раскинулись, казалось, от края и до края Упорядоченного, равно прикрывая от вечного наката волн Хаоса и устроенные миры среди бесчисленных звёзд, и огненные бездны, где каждая частица, казалось, дышит как раз тем же Хаосом.

Великое Древо, и протянувшиеся сквозь изнанку Сущего корни. Незримые, оплетают они три источника магии, и не то питаемы ими, не то сами отдают им что-то.

Теперь Райна чётко видела пожар на месте призрачного двойника Асгарда и целую процессию теней, направляющуюся прямо к ней.

Золотой луч стягивался в нитку, истончался, и одновременно валькирия ощущала, что путь всё удлиняется и удлиняется. Из сгустившихся в развилках исполинского ствола теней выползали серые облака, скрывая фигурки готовых освободиться асов.

– Что, опять?! – не сдержалась валькирия, вновь завидев впереди резные столбы очередных врат без створок.

Но на сей раз возле них не стояло стражи.

А золотая нить, ярко блистающая среди серого предгрозового сумрака, вела куда-то вверх, совсем не к асам, но к чему-то совершенно невообразимому. И врата, и бородатые стражники, и их цветастые одежды, расшитые золотом, и посохи с рубинами – всё было лишь символами, манифестациями чего-то истинно сокровенного, не постижимого разумом валькирии. Валькирии, хоть и бессмертной, но, по сути, простой воительницы, ну или, в исключительных обстоятельствах, – самозваной Водительницы Мёртвых.

Престол. Нечто названное стражами «Престолом» – валькирия постаралась дотянуться до него, представить его во всём блеске славы и силы, словно

ожидая, что это поможет, откроет дорогу её старшей родне, даст им выбраться из царства теней не просто бессильными призраками; но всё, что приходило на ум дочери О?дина: золотой блеск Валгаллы, её пиршественный зал, высокий трон Отца Богов, – всё не то, не то, слишком просто, слишком земное, слишком обычное. В нём не крылось никакой тайны, просто яркое и разукрашенное.

Престол же, скрытый загадочными облаками, которые, конечно, облаками вовсе не были, являл собой нечто совершенно неописуемое и даже не поддающееся объяснению.

Альвийский меч дрожал в руке валькирии, рвался в бой, но ему тут нечего было рубить или рассекать. В спину Райне дул тёплый морской ветер, словно на короткой носовой палубе «дракона», огибающего ясным весенним днём мыс Ставнесс в Восточном Хьёрварде, – отец, Ястир и братец Фенрир продолжали сражаться, щедро делясь с ней силой.

Что ж, может, тайны высокого Престола и не для неё, но к асам она прорвётся. И порукой тому – альвийский меч.

Интерлюдия 1

Лагерь небольшого войска Хедина, Познавшего Тьму, замер в ожидании. В высоком шатре самого Познавшего горели свечи, углы тонули во мраке.

В три круга расставлены кристаллы самых причудливых цветов и форм. Хедин и Сигрлинн застыли, не отрывая взглядов от небольшого розоватого камня, где поочерёдно возникали лица то гнома Друнгара, то эльфа Ирдаина.

– Прорываемся дальше, Аэтерос…

– Замечен бог О?дин…

– Сокол выпущен, Учитель! Всё идёт по плану.

Хедин молча и отрывисто кивал. Лицо его рассекли мрачные и глубокие морщины, в них залегла темнота.

– Хрофт уходит всё дальше, Си.

– И Дальние… так и вьются вокруг.

– Он до сих пор их не призвал и не признал.

– Вопрос времени, – отмахнулась чародейка. – Скоро сделает и то, и другое. Что станем делать тогда, мой Хедин? Промолчим? Отсидимся? Ограничимся твоими подмастерьями? Простим?

Хедин смотрел на разгневанную волшебницу, уголки его губ чуть заметно вздрагивали.

– Ты боишься? Опять?

– Да, опять! – с вызовом бросила Сигрлинн. – Говорила тебе сколько раз и повторю снова – его нужно остановить! Во что бы то ни стало! Почему он не пришёл к тебе, прежде чем ввязываться во всё это? Почему не спросил совета? Ему нечем было заняться? Спали меня Ямерт, как говорится, у нас в Упорядоченном непочатый край работы. Правда, не столь героической, да и не столь безумной.

– Си, – Познавший Тьму положил руку ей на плечо, и она тотчас замерла, в упор глядя ему в глаза. – Си, ты права…

– Си, ты права, – насмешливо передразнила его чародейка. – Если я права, так действуй! Помешательству Хрофта до?лжно положить конец! Он заигрался с огнём – уже; а теперь, как я посмотрю, заигрываешься и ты, мой Хедин. Мужчины! Вам бы риск, вам бы невероятные приключения и страшные опасности, а что при этом сделается со вверенным вам миром – какая разница!

– У меня есть план.

– Не сомневаюсь, – фыркнула волшебница. – План у тебя есть всегда. И что?

– Так или иначе – он выполняется. – Хедин вновь улыбнулся.

– Ты меня дразнишь, – насупилась Сигрлинн. – Дразнишь и недоговариваешь.

– Как только всё кончится, ты поймёшь, что это не так.

– Ох, – вздохнула она. – Так хочется тебе верить… просто верить, и всё. Как той белошвейке. – Сигрлинн покачала головой. – О, смотри-ка! Там не только Дальние. – Она вглядывалась в один из кристаллов. – Слуги Хаоса. Демоны. Здесь они, похоже, вполне в силах.

– Дальние и Хаос заодно, кто бы мог подумать, – саркастически заметил Познавший Тьму. – Хотя… противоположности сходятся. А вот козлоногих почему-то не видно. Зато Спаситель тут как тут…

– Спаситель? – хищно подобралась Сигрлинн. – Оставь его мне.

– С радостью. – Хедин не улыбнулся. – Но, надеюсь, с ним сражаться не придётся. В конце концов, могилу Мерлина он благословил. И когда являлся в Эвиал, то являлся не по наши с Ракотом души.

– Времена меняются. Обещай мне кое-что, Хедин.

– Что я не стану лезть на рожон и поберегу себя для всего Упорядоченного?

– Нет. – Она покачала головой. – Надеюсь, предыдущий урок от меня ты, друг мой, усвоил… – Она улыбалась, но взгляд Хедина оставался непроницаем. – Обещай мне, что не допустишь ничего необратимого лишь из старой дружбы с Хрофтом. Говорю тебе снова и снова, старик зашёл слишком далеко. У меня нет ничего против него, мне горько, что он на такое решился… но и мешкать больше нельзя. Все три Источника в сильнейшем возмущении. Волны катятся по всему Упорядоченному, и чем всё это кончится…

– Мне это ведомо, Си, – перебил Познавший Тьму. – Будь уверена, для блага Упорядоченного я сделаю всё. И всем пожертвую, прости за красивые слова.

– Я знаю, – вздохнула она. – Разумеется, пожертвуешь, мой милый. И собой, и мной, и вообще всем. Нет-нет, я давно уже это поняла. – Она предостерегающе выставила ладони, хотя Хедин не шелохнулся и выражение его не изменилось. – Я поняла, что иначе было нельзя. Действительно, нельзя. Но сейчас… сейчас тоже нельзя. Хрофт опасен. И ещё, по-моему, верит, что ему ничего не будет. Что он твой друг. Что ты простишь ему всё.

– Если я не поколебался пожертвовать тобой, неужто ты думаешь, что у меня не хватит решимости с Хрофтом? – сухо осведомился Хедин, скрещивая руки на груди.

Между бровей Сигрлинн залегла морщинка.

– Прости, Хедин. Я не хотела. Ты… наговариваешь на себя. Я ведь знаю, ты колебался тогда, при штурме Брандея. Наши, гм, сородичи были достаточно любезны, чтобы без задержек знакомить меня с ходом ваших бесед. Так что не наговаривай, не старайся показаться хуже, чем есть. – Она улыбнулась, хоть и через силу. – Прости меня, дорогой. Ты гневаешься?

– Гневаюсь, – неожиданно кивнул Хедин. – Потому что ничего не слышно от Ракота. Потому что сгинула Гелерра. Потому что Хрофт вытворяет невесть что, и, самое главное, у него получается. Я жду, потому что это… совершенно новые возможности.

– Верно. Новые возможности, но и новые опасности, словно против нас выступил кто-то абсолютно, полностью неизвестный. – Складка на чистом лбу чародейки не разглаживалась.

– Нет. – Хедин держал на ладони вытянутой руки розоватый кристалл, где как раз вновь появилась бородатая физиономия гнома Друнгара. – Никаких «новых» нет и быть не может. Так называемые «Новые Маги» – жалкая насмешка над нашим Поколением. Кроме них же…

– Кто-то подобный Игнациусу? То, о чём мы говорили ещё с Ракотом?

– Кто-то подобный Игнациусу никогда не смог бы поставить себе на службу такие силы, – покачал головой Хедин. – Вспомни, как он действовал – сложнейшая механика заклинаний, машина волшебства с тысячами незримых

шестерён, шкивов и валов. Капкан, что мог сработать только один раз и захватить мог только одну добычу. Мессиру Архимагу конечно же помогали, но ладил ловушку он сам. И кто-то ему подобный, уверен, сделает тоже подобное.

– Поостереглась бы заявлять с такой уверенностью, – покачала головой Сигрлинн. – Игнациус был человеком, обычным смертным, поднявшим себя на небывалый уровень. Штучная работа, можно сказать. Другой, достигший подобного, может и не оказаться… подобным. А Новых Магов-то, может, и не стоило бросать на произвол судьбы? – вдруг задумчиво уронила Сигрлинн. – Глядишь, и поумнели бы. Три Источника ныне покорны нам, провести инициацию, и…

Она поперхнулась. Взгляд Хедина сделался поистине страшным, в нём словно вскипела смола, готовая пролиться пламенем безудержного гнева.

– Мы не знаем точно, кто ты, Си. Может, ты и впрямь – последний Истинный Маг нашего Поколения. А что, если инициация этих самых «новых» будет значить… будет значить, что прежнее Поколение… то есть ты… должно… должно…

Волшебница улыбнулась, мягко, обволакивающе, шагнула к Познавшему Тьму, приложила ладонь к его сухим, обветренным губам.

– Нам обязательно нужно говорить, как нас любят. Не обязательно словами.

– Си… – Хедин с горечью покачал головой. – Я люблю тебя, да. Но речь сейчас не о том. Я…

– Да-да, ты хотел сказать, что появление нового Поколения Истинных Магов может серьёзно пошатнуть равновесие. – Глаза её смеялись. – И я с тобой соглашусь. Нам бы удержать то, что есть сейчас, где уж тут до воспитания и обучения других. Хотя подмастерья из них, наверное, вышли бы неплохие, – закончила она, улыбаясь.

– Нет! – Хедин с силой сжал ей плечи. – Хотел сказать, что ты, ты, моя Си, можешь оказаться под властью того самого закона Древних, что ведает сменой Поколений. Что, инициируй мы «Новых Магов», тебя станет… не знаю… вытеснять, выталкивать в небытиё, если не хуже. Или, в лучшем случае, превращать в какого-нибудь мелкого лесного духа.

– Понимаю. – Она погладила его по щеке. Вздохнула, спокойно и со странным умиротворением, словно лишний раз убедившись в чём-то очень для себя важном. – Так всё-таки, как думаешь, вышли б из них подмастерья, из этих самых «новых»?

– Сильно сомневаюсь, – буркнул Познавший Тьму, с явным облегчением меняя тему. – Слишком горды, слишком зазнались, слишком полюбили лёгкую роскошь, добываемую магией. Надеюсь, хоть сколько-то ума Чёрный им добавил.

– А о нём, кстати, ты не забыл? Не может ли он?..

– Всё может. Но пока что главное – Хрофт, Дальние и слуги Хаоса. Все стягиваются сюда, к преддверию Демогоргона. Не знаю, как это понравится Соборному Духу и что он может сделать.

– И Спаситель… – проронила Сигрлинн.

– И он тоже, – кивнул Хедин. – Оно и понятно, ещё один охотник за душами, быть может, надеется поживиться. К примеру, рассчитывает, что рухнут вообще все владения Демогоргона, всё, содержащееся там, вырвется на свободу…

– А оно таки может вырваться? – тихонько спросила Сигрлинн. – Там есть чему вырываться? Души, призраки, как в «царствах мёртвых», как в Хель? Или там что-то иное?

– Старый Хрофт надеется, что там он найдёт именно своих сородичей, что они уцелели, хоть и в виде бесплотных теней. Как оно на самом деле… не знаю, Сигрлинн. Никто не перешагивал последнего порога и никто не вернулся оттуда, чтобы рассказать. Даже мой верный землерой Хервинд бы не справился.

Волшебница улыбнулась, но лишь губами, в глазах затаилась тревога.

– Ты таки гневаешься. Я уже «Сигрлинн», а не Си.

Хедин лишь беспомощно всплеснул руками.

– Сдаюсь. Здесь с вами не сладить. Гневаюсь, да. Но кто б на моём месте не гневался?

– Ты – не «кто», мой Хедин. Тебе гнев – непозволительная роскошь.

Хедин только фыркнул:

– Роскошь, не роскошь… Старина Хрофт прорывается сейчас к вратам Демогоргона, судя по всему, пробился уже достаточно глубоко.

– И?

– И все ждут, – отрывисто бросил Познавший. – Все ждут моего хода. Дальние, Хаос, даже Спаситель.

– А Неназываемый?

– Этот, по-моему, ничего не ждёт. Ему всё равно, лишь бы жрать, да торили бы Путь козлоногие. Так что я даже слегка удивлён отсутствием их депутации. Среди них есть те, кто умеет говорить, и, если верить недавним донесениям, «говоруны» довольно быстро умнеют.

Сигрлинн кивнула, но лицо у неё оставалось тревожным и озабоченным.

– Есть что-то ещё, Хедин. Помимо всего сказанного – ты сам не свой, ты не выговорился.

– Ещё бы! – буркнул Хедин. – Если старик О?дин и впрямь выжил из ума и решил, что лучше всех всё знает и понимает, если пошёл своим собственным путём, изменив нашему делу…

Волшебница наблюдала за ним, слегка сощурившись.

– Меня не обманешь, любезный друг мой. О?дин – это, конечно, да. Старый друг, соратник. Рука об руку, плечо к плечу, спина к спине и всё такое прочее. Знаю, как это важно, по тому же Ордену Прекрасной Дамы. Но, в конце концов, кто он такой? Всего лишь древний бог, реликт, случайно доживший – по твоей милости,

кстати, – до наших дней, не превратившись в какое-нибудь чудовище, как многие его собратья, кого миновал первый гнев Молодых Богов.

– Хорош реликт – пробиться к вратам Демогоргона!

– Просто раньше никто не дерзал даже помыслить о таком, – пожала плечами чародейка. – А оказалось, что всё не так уж страшно. Нет, дорогой мой, давай-ка признавайся. Тебя не так-то просто вышибить из седла, а тут, я вижу, случилось нечто похуже крепкого эля, ударившего в голову твоему старому приятелю, с которым вы, небось, по молодости приударяли за смертными красотками. – Она пыталась шутить, но глаза оставались тревожны.

Хедин невесело усмехнулся, покачал головой.

– Изменить может каждый, забыла?

– Это? Тебя это тревожит? Х-ха, дорогой мой Познавший, пора бы уже привыкнуть.

– Мои ученики меня не предавали. И друзья. И подмастерья.

– Ну, а меня – да, – беспечно бросила Сигрлинн, тряхнув волосами. – Если вспомнить ту Ночную Всадницу, что убила меня в первый раз. Ты судишь всех по себе, Хедин, от всех ожидая своей стойкости, верности, убеждённости. А эти «все» – они не такие. Слабые. Увлекающиеся. Не видящие так глубоко, как ты. Терзаемые собственной памятью, возводящие какие-то личные беды в абсолют. Неидеальные, несовершенные, то и дело творящие такое, что волосы дыбом встают.

– Не пойму, к чему ты клонишь?

– К тому, что одно только предательство Хрофта тебя не должно повергать в такое смятение. – Указательный палец Сигрлинн упёрся Познавшему Тьму в грудь. – Ты это понимаешь не хуже меня. Ну, дай угадаю – ты решил, что появился кто-то, тот самый, «ещё более сильный или дерзкий», что свергнет вас с Ракотом? Что Упорядоченное готово смахнуть все привычные фигурки с тавлейной доски, выставив совершенно новые и поменяв правила? Что вы с

Ракотом более не нужны?

Хедин ответил не сразу, долго всматривался Сигрлинн прямо в лицо, да так пристально, что волшебница невольно нахмурилась.

– На мне что, цветы внезапно выросли? Чего ты тут не видел, Хедин, милый мой?

– Если наш с Ракотом путь в звании «новых богов» и закончен, – медленно сказал Познавший Тьму, – долг мой – устроить всё так, чтобы смертные и бессмертные, обитатели всех бесчисленных миров ничего бы не заметили. Понимаешь? Вообще бы ни-че-го.

– Достойно, – фыркнула чародейка. – Но и это не всё, мой Хедин. Ты по-прежнему недоговариваешь. Что долг твой, как ты его понимаешь, останется недовыполненным, и это мучает тебя – охотно верю. Ты таков, ничего не поделаешь. Но это не всё.

– Не знаю уж, как тебе угодить, – делано вздохнул Познавший Тьму. – Если тебя начинают предавать, значит, дорога твоя, скорее всего, ведёт в никуда. Если Старый Хрофт решил, что он готов объединиться хоть с кем, лишь бы вызволить свою родню из владений Демогоргона, – значит, мы с Ракотом что-то делали не так, и причём очень долго.

– Не хочешь признать собственных ошибок? – усмехнулась Сигрлинн. – Это тебя мучает? Понимаю, Хедин, понимаю. Слишком много знания, слишком мало веры. Мне легче – я-то верила всегда.

– Чему?

– Не «чему», а «в кого». В тебя, мой дорогой. Даже когда погибала вместе с Брандеем.

Лицо Познавшего тьму рассекли жёсткие, суровые морщины.

– Сигрлинн, сейчас уже дело не в нас с тобой. Я считал, что незачем вмешиваться в судьбы миров, предотвращая всякую несправедливость, гораздо лучше дать всем жить по их собственному разумению. Я считал, что Старый

Хрофт давно смирился с утратой – а он, оказывается, всё это время жил с мечтою о мщении, но даже не Ямерту, а всему нашему делу. Может, нам с Ракотом надо было иначе? Не единичные наши храмы тут и там, где жрецы занимаются кто чем и кто во что горазд, – а вера и обожание бесчисленного множества смертных и бессмертных? Святилища, сложенные не из кирпича, не из каменных глыб – но из миров со всеми их обителями, сведённых вместе? Любовь живущих, исступлённая и фанатичная, не ведающая сомнений? Строгий закон и строгая же кара, причём превыше всего – кара для тех, кто служил бы нам и попытался нагреть на этом руки? И поверх всего – мы с братцем Ракотом, в белых одеждах, восседающие на облаках, в ореоле лучей, загадочно и снисходительно улыбающиеся бесчисленным сонмам тех, кто готов будет отдать жизнь по первому нашему слову?

Сигрлинн сперва слушала, слегка улыбаясь, но потом улыбка исчезла.

– Если это – цена того, чтобы ты любил меня и дал бы мне любить тебя, я не колебалась бы ни мгновения. Если это – цена того, что Упорядоченное останется стоять и мы будем вместе, я не колебалась бы ни мгновения. Если это – цена того, что всё останется как есть и я по-прежнему смогу, если надо, запустить в тебя огнешаром, я не колебалась бы ни мгновения. – Улыбка вновь вернулась.

– Я не верю, – вырвалось у Хедина. – Мне всегда казалось…

– А мне всегда казалось, – запальчиво перебила волшебница, – что ты всегда слишком много думал про какие-то принципы и краеугольные камни, и слишком мало – о том, как сделать так, чтобы оно всё работало. Не хочешь восседать на облаке во славе лучей? Сделай тайный культ, нет ничего лучше. Запретное всегда сладко. Учреди мистерии, сокрытые ордена, степени посвящения, раскрывай адептам потихоньку тайны Упорядоченного и его сил, но лишь постепенно, лишь достойным и лишь то, что не повредит делу. Возглавь сам поклоняющихся тебе, сделайся непостижимым и тайным Мастером, одно созерцание коего – великая, нет, величайшая награда. Ты собственной персоной отказался от сильнейшего оружия, от поклонения и преклонения смертных, мой Хедин, а теперь сомневаешься, не усомнилось ли в тебе Упорядоченное? Х-ха, а почему бы ему и не усомниться?

Взгляд Хедина оставался непроницаем. Бровь Сигрлинн дрогнула, поднимаясь.

– Скажи же что-нибудь!

– Пока что нам бы не допустить, чтобы рвение Старого Хрофта кончилось б чем-нибудь совсем уж непоправимым, – пожав плечами, буркнул Новый Бог. Казалось, на самом деле ему хочется сказать что-то совсем другое. – Все остальные сомнения и колебания – потом, Сигрлинн. Упорядоченное должно жить, вот и всё. А дальше – разберёмся.

– Узнаю братца Ракота, – вздохнула чародейка. – Его слова. Главное, ввязаться в драку, а там видно будет. Ох, мужчины, мужчины! «Война есть вершина…» – как там дальше?

– Война есть вершина человеческого духа и судьбы, – проворчал Познавший Тьму. – Из меня раннего. «Так говорил Хедин», том такой-то, страница такая-то, стих сякой-то.

Сигрлинн с готовностью рассмеялась.

– Так-то оно лучше, мой дорогой. Что следующее в твоём плане, несомненно, с большой буквы? Поймать старика Хрофта за бороду и отправить накачиваться элем в какой-нибудь трактир Хедебю, с достаточным числом смазливых девчонок, чтобы не соскучился?

– Нет, не за бороду. – Новый Бог наконец улыбнулся. – И смазливых девчонок не предусмотрено тоже. Друнгар и Ирдаин готовы, они идут наперерез. Но ты сама видишь, – он кивнул на расставленные кругами бесчисленные кристаллы, в которых полыхали причудливой симфонией все цвета радуги, – слетелись трупоеды. Во множестве. Подмастерьям их всех, конечно, не удержать, но этого нам и не надо, полк Ирдаина и Друнгара я вытащу через портал, если нужно, хоть это и будет нелегко. Нет, Си, мы не нанесём удара первыми. Но зато, если нас атакуют, у нас найдётся чем ответить. А главное, этот треклятый Закон Равновесия будет на нашей стороне.

– Я понимаю, почему ты ставишь такие памятники своим погибшим, – негромко проговорила Сигрлинн, помолчав. Скользнула поближе гибкой пантерой, обняла, прижалась. – Я понимаю, мой Хедин. Можешь рассчитывать на меня во всём.

– Да я и так рассчитываю. – Он развёл было руками.

– Нет-нет-нет, обнимай меня и дальше. Драматические жесты оставь для своих подмастерьев. Со мной можно без них.

* * *

Сильвия Нагваль преследовала отряд Старого Хрофта упорно, неотступно и неутомимо. Жутковатый голос – «Следи за ними, наша верная» – звучал в ушах постоянно, словно колокол. Она вновь оказалась у кого-то на крючке. Кто-то всевидящий не сводил с неё пристального взгляда, и глаза у этого кого-то, казалось Сильвии, были совершенно неживые, нелюдские, скорее как у стрекозы, громадные и со множеством фасет.

Однако она бы и сама, наверное, не упустила такую возможность. Спутники воительницы Райны пробивались к чему-то неведомому, но явно очень, очень для них важному, и Сильвия готова была поклясться утраченным фламбергом – там найдётся чем поживиться и ей, последней из Красного Арка. Она, в конце концов, не гордая, не побрезгует и объедками, если надо.

Взяв след диковинной компании, она изо всех сил старалась не отстать, и это оказалось очень непросто. Тропа, которой они шли, всё больше и больше отдалялась от привычной Сильвии Межреальности, меж дочерью Хозяина Смертного Ливня и Сущим словно сгущалась туманная пелена. Её ещё можно было раздвинуть обычными заклятиями открытия пути, но чем глубже уходили преследуемые, тем с большим скрипом и сбоями работали надёжные, казалось бы, чары.

Сильвия не успевала удивляться. Что это за фокусы? Неужели та самая загадочная «изнанка мира», о которой скупо и намёками повествовалось в трактатах, которые дед держал в особой, запретной для простых адептов библиотеке её родного Ордена?

Она продиралась, проползала, пролетала и прошмыгивала. Идущие перед ней Райна и её спутники оставляли за собой некое подобие тропы, однако она быстро схлопывалась; и чтобы не отстать, Сильвии пришлось пустить в ход все умения.

Дочь Хозяина Ливня едва не потеряла след, когда её поводыри вызволили из мёртвого мира-тюрьмы исполинского волка, с поистине великанской силой – силой не чудовища, но отпрыска Древних Богов.

Волка этого Сильвия побаивалась. Он, похоже, способен был учуять муху за множество поприщ, что ж говорить о сове!

И волк, похоже, чуял – оборачивался, порыкивал, но других не оповещал. С ними у него, похоже, не всё выходило так просто.

Так или иначе, она преследовала их всё азартнее и нетерпеливее, забывая все заповеди, что норовил внушить ей дед посредством связки старых добрых розог.

До тех пор пока рядом с ней не появился удивительный спутник.

Глава II

Первая встреча, последняя встреча

Они побеждали, сомнений уже не оставалось. Фенрир, изрядно помятый и окровавленный, гнал и гнал огрызающиеся орды чудовищ, а бока и спину ему прикрывали бесчисленные легионы демонов. Яргохор тоже теснил серый прибой духов, мало-помалу появлялись его шлем, плечи; туманная пелена опустилась уже по грудь.

– Мы держим своё слово, Древний бог О?дин, – не без самодовольства сказали Дальние. Они, похоже, сейчас очень гордились собой. – Не сомневаемся, что и ты сдержишь своё.

– Это какое? – осведомился Старый Хрофт, снимая латную рукавицу и осторожно касаясь горячего, словно кузнечный горн, лба дочери.

– Тебе придётся защищать то, что ты есть, – напыщенно объявили ему. – Придётся защищать свою собственную самость от алчного бога Хедина. Он не потерпит возвращения твоей родни. Это пошатнёт его излюбленное равновесие,

можешь не сомневаться, а бог Хедин ненавидит всё, что нарушает или хотя бы чуть-чуть меняет текущий порядок вещей.

– Не беспокойтесь за меня, – рыкнул О?дин. – Вы говорили что-то о настоящей подмоге?

– Она не замедлит, – без тени сомнения заявил голос Дальних. – Но первый бой твоя дочь должна выиграть сама, одной лишь силой духа.

– Откуда вы знаете? Неужто бывали там, где она сейчас? – не сдержался Старый Хрофт.

– Там, где она сейчас, Древний Бог О?дин, бывали считаные единицы смертных, не мы. Нам туда дорога закрыта.

– Почему? Вам, таким всемогущим?

– Мы не всемогущи. Мы всего лишь руки Творца. Мы исполняем его волю, а иного нам знать и не нужно.

– Но ведаете, что там бывали единицы смертных?

– Ведаем, ибо следим за всем и всеми, кто способен… зайти слишком далеко.

– Спасибо за откровенность, – ухмыльнулся Старый Хрофт.

– Мы теперь вместе, – ответили ему. – Уже до самого конца.

– Надеюсь, он не слишком близок. – Кривая усмешка так и не ушла полностью.

– Никогда не понимали этого в вас, одиночках, – вздохнул хор Дальних. – Никогда не понимали этого ужаса перед смертью. В то время как достаточно всего лишь примкнуть к нам, стать частью…

– Нет уж, спасибо, не понимаете, и не надо, – отрезал Старый Хрофт. – Если вы всего лишь руки Творца…

– Да, руки! – запальчиво подтвердили ему. – И нет в Сущем участи выше, чем наша!

– Хорошо, хорошо, – выставил ладони Отец Дружин. – Но всё-таки, что с подмогой?

– Ждём, – последовал неумолимый ответ.

* * *

Альвийский меч в руке Райны подрагивал, словно готовый к бою пёс.

Золотая тропа стянулась в луч, впереди маячили очередные врата, но теперь их уже никто не охранял. Справа и слева зияли бездны, укрытые всё тем же серым туманом. Впереди, сквозь сгустившиеся тучи, что-то поблёскивало, сокрытое от взоров, тайное.

Но оно валькирию совершенно не занимало. Кройся там хоть сам загадочный Престол, ей надо было вывести родню, ничего более!

И потому она даже вздохнула с облегчением, когда облака перед ней стали таять, так что валькирия вновь во всей красе увидала бескрайнюю крону Великого Древа, раскинутую над всем Сущим, и то место на его ветви, где совсем недавно пребывал призрачный двойник погибшего Асгарда, его густо покрывали копошащиеся чёрные фигурки демонов, словно муравьи на развороченной куче.

– Идите же сюда, ко мне! – надсаживаясь, крикнула Райна теням асов. – Кончилось заточение, всё кончилось! Мы возвращаемся!

Она кричала, ощущая, как всё сильнее и сильнее щиплет в глазах.

Тени асов приближались, но это были именно тени. Бесплотные и бестелесные, такого же серого цвета, как и всё в этом царстве мёртвых.

Валькирия бежала им навстречу, под ноги ложилась тонкая золотая нить, и Райна балансировала на ней с ловкостью опытной циркачки; в спину по-прежнему дул тёплый ветер силы, её словно поддерживало множество незримых рук, не давая сорваться в пропасть.

Асы всё ближе, она узнавала теперь всех и каждого. Над ветвями Великого Древа мелькнул силуэт исполинского орла, мелькнул и исчез, словно и не было ему никакого дела до удирающих из его домена мёртвых богов.

Валькирия уже решила, что ей удастся вот так просто взять и повести за собой всю павшую на Боргильдовом Поле родню; когда бездна вскипела – серые завесы расступались, из них вырывались сонмы чёрных демонов, таких же, что и заполонившие призрачный Асгард на ветви Древа.

Сработанный альвийской оружейницей меч заплясал, рубя направо и налево; Райну охватывал дикий восторг, прежнее упоение боем, блаженство последней атаки; вот то, чего она неосознанно ждала все минувшие века, ради чего тянула лямку простой наёмницы – чтобы дать бой тем, кто пытается удержать её сородичей в полушаге от свободы и новой жизни.

Когда-то она и мечтать не могла о подобном.

Сейчас – с яростной чёткостью осознавала, что это и есть её главный бой.

Или… или, может, потом будет иной, ещё главнее? Рагнарёк? Что-то иное?..

Откуда взялись эти демоны, кому служат и почему вообще нападают на неё, не пытаясь преградить дорогу теням асов, Райна в тот миг не думала. Она вообще перестала думать.

Демоны послушно умирали, напрасно пытаясь зацепить её когтями или клыками. Додревние мечи, словно добытые невесть из каких могильников, разлетались ржавой пылью; Райна смела первый заслон, чувствуя, как переполняет её сила, – меч жадно пил отнятые им жизни, пусть это и были всего лишь жизни демонов.

«Сколько ж я про тебя, оказывается, не знаю, Оружейница», – мельком подумала Райна, разметав возникшую на пути живую завесу. Асы оказались уже совсем

близко, и только тут валькирия разглядела, что за каждой из серых теней тянется, исчезая где-то в ветвях Великого Древа, нечто вроде призрачной пуповины, явно тянувшей их всех назад.

Ага! Вот оно то, что можно разрубить, то, где она, именно она, воительница, а вовсе не чародейка, может помочь.

Райну захлёстывала радость, небывалая, какой она не ощущала с рождения – так, во всяком случае, казалось валькирии.

Вот они, родичи, старшие братья и сёстры, серые тени, лёгкий туман, до сих пор привязанные к здешним залам Хель; покончить с этим! Одним ударом! Это ведь так просто, так легко; именно это она умеет лучше, чем что бы то ни было!

Альвийский меч резко взвизгнул, разрубив первую из пуповин – ту, что тянулась за Тором.

Отдача едва не сорвала валькирию с золотого мостка. Правую руку пронзила острая боль, ледяной холод вцепился в плечо, так, что Райна заскрежетала зубами, едва не выпустив клинок из разжавшейся ладони.

Она не остановилась. Второй лопнула привязь, что тянулась за Хеймдаллем. Вновь боль и льдистые когти, терзающие её тело, не замечающие стали доспехов; но нет, её так не возьмёшь!

Бальдр. Хёд. Сиф. Фрейя. А, вот и ты, ревнивая Фригг, не жаловавшая нас, живых свидетельств измен О?дина тебе; впрочем, неважно, ты тоже будешь свободна!

И ты тоже будешь свободна, Йорд, у тебя достанет дел в новом Асгарде. И ты, Браги, ты ещё долго станешь радовать нас своими висами на буйных пирах в возрождённой Валгалле!..

Но тени асов, хоть и освобождённые, словно и не замечали воительницу, плыли сквозь неё, бесплотные и равнодушные.

«Ничего. Это ничего, – сцепив зубы, повторяла себе валькирия. – Это залы Хель, просто залы Хель с другим именем, ничего больше. Отец непременно придумает, что делать дальше, как вернуть вам плоть и память. Мне бы только вытащить вас отсюда».

Тени скользили по золотому лучу сквозь валькирию, по-прежнему не замечая её; глаза опущены, руки молитвенно сложены, словно у адептов Спасителя. И эта полная покорности поза Райне совсем не нравилась.

Только тут валькирия вдруг заметила, что тени асов начинают одна за другой сходить с золотого луча, скользя куда-то вперёд и вверх, туда, где вновь сходились знакомые облака, тая в глубине таинственное блистающее сердце.

Эт-то ещё что такое?! Откуда? Почему?

– Гад! – заорала валькирия, потрясая мечом. – Решил украсть?! Хрен тебе, а не асы! Понял?! Хрен!

Её трясло от бешенства. Меч заплясал, словно сам собой выписывая руны, но губы валькирии уже раскрывались, с них слетали слова новой висы:

Пала темница,

Слабы оковы,

Не удержать

Поступи славных,

Поступи мудрых.

Боги Асгарда,

Домой возвратитесь!

Не удержать

Поступи храбрых,

Поступи дерзких.

Боги Асгарда,

Настала пора

Вспомнить, кто вы,

И к уделу вернуться.

Пусть пепелище

Там, где стоял

Дом ваш, от века

Героями славный, –

Новый воздвигнем

Чертог мы златой.

Сядем на троны,

Станем судить,

Станем рядить

И воздадим

Справедливою мерой

Всем.

Виса рождалась сама. Простые слова, но их сейчас полнила старая сила валькирий, и тёплый ветер вдруг задул с удесятерённой силой, да так, что тени одна за другой, словно влекомые невидимой нитью, потянулись обратно, к Райне.

И, словно признавая её победу, послушно развернулся под ногами валькирии золотой луч, ведя обратно, показывая дорогу домой.

* * *

О?дин ощутил это как укол чудовищной иглы, впившейся в темя и пронзившей всё тело до самого паха. У него вырвался глухой стон, кулаки сжались, но за болью уже накатывала пьянящая, радостная лёгкость.

Она смогла. Райна сумела! Победила, преодолела, превозмогла. Валькирии не отступают и не сдаются, они умирают – или побеждают.

– Есть! – хрипло каркнул Ас Воронов. – Дочь выводит их. Ваш черёд, Дальние, черёд вашей обещанной подмоги!

Смарагдовые кристаллы вспыхнули все разом, погнали перед собой волну зеленоватого пламени.

– Твои соратники могут возвращаться. Теперь в наших силах снести врата.

И точно – серая воронка духов, крутившаяся возле Яргохора, иссякла совсем, жалкие лохмотья уползали прочь, и туда же бросились ещё уцелевшие чудовища, сражавшиеся с Фенриром, словно кто-то отдал приказ: «Довольно!».

Зелёные кристаллы низко, басовито гудели, как шмели ясным днём над раскрытыми цветами. Медленно поднимаясь, они начали выстраиваться неким подобием исполинского копья, нацеленного туда, где скрылись остатки и живой, и мёртвой армии противников О?дина.

– Но нам потребуется и твоя помощь, древний бог О?дин.

– Какая именно?

– Воинство Хедина, Познавшего Тьму, приближается. Они упорны и искусны, преодолели все барьеры и препоны, и вот-вот окажутся здесь. Тебе и твоим спутникам предстоит сдержать их, пока мы не пробьём брешь, чтобы твоя дочь смогла бы вернуться. Ты готов, О?дин? Времени выбирать уже не осталось.

– Я сдержу их, – пожал плечами Отец Богов. – Моя родня должна жить. Справедливость восторжествует, хотя бы и спустя столько времени. Мы примем бой.

– Слова истинного О?дина, – одобрили Дальние. – Что ж, мы тебе верим. Прикрой нам спину, и асы вернутся к тебе. Что дальше – уже в твоих руках.

Яргохор и Фенрир возвращались. Волк прихрамывал на правую переднюю лапу, но ухмылялся – широко и злорадно.

– Эх, и показал же я им! Славная вышла драчка, давно так не веселился!

– То-то тебя демонам спасать пришлось, – прогудел подошедший Яргохор. Броня Водителя Мёртвых выглядела так, словно по ней вволю погуляли молоты гномов – погнута, во вмятинах, многие пластины пропали, со шлема исчезло острое навершие.

– Меня? Спасать?! – немедленно взъярился сын Локи. – Да что б ты понимал, душевод! Да я заманивал их, если хочешь знать! Сам-то чуть не потонул, тебя самого те же демона? за шиворот из водоворота вытаскивали!

– И где это ты узрел на моём доспехе ворот, почтенный волк? – не остался в долгу Водитель Мёртвых.

– Стойте, вы, оба! – рявкнул Старый Хрофт. – Сейчас будет ещё одна драка, да такая, что… Идёт армия Хедина. Идёт сюда. Нам надо продержаться, пока эти, – он махнул в сторону выстраивающихся смарагдовых кристаллов, – пока эти будут удерживать врата открытыми для Райны и остальных.

– И… для… отца? – медленно спросил волк.

– И для Локи, моего названого младшего брата, – кивнул О?дин.

– Ты собрался-таки драться с Познавшим Тьму? – осведомился Водитель Мёртвых. – Что ж, к этому всё шло.

– С чего ты взял? Едва ли на Гнипахеллире ты бы мог узнать…

Казалось, Яргохор усмехается под покрытым вмятинами шлемом.

– Я – Водитель Мёртвых. Мы чуем схватку великих сил, как вампиры – кровь. Быть великой замятне, быть страшной битве. Но мы с тобой, Древний бог О?дин. Ты вернул мне меня. Я с тобой, великий.

– Я тоже! – рыкнул Фенрир. – Это будет славно. Да и чего нам бояться, ведь Рагнарёк ещё не наступил! Помни, грозный О?дин, только у тебя есть власть убить меня, и только у меня – есть власть убить тебя. А все остальные… да пусть пробуют!

Старый Хрофт молча кивнул, взглянул на Райну – щёки валькирии порозовели, дыхание сделалось спокойным, глубоким и ровным, она словно спала, спала и видела безмятежные, мирные сны.

– Тогда идём.

– Куда? – удивился волк. – Некуда здесь ходить. Всюду одинаковая серятина.

– Подальше вот от этих. – За плечами Отца Богов выстраивалась исполинская пирамида плавающих словно сами по себе зелёных кристаллов. – Им нужно время.

– А нам – нет? – в свою очередь удивился Яргохор. – И потом, что с твоей дочерью, доблестной Райной? Она останется здесь?

Старый Хрофт кивнул.

– В бою она сейчас помеха, а не помощь. И ей надо пройти её собственный путь. Ну, пошли.

Они повернулись спинами к затянутым серым вратам Демогоргона. Демоны исчезли – которые рассыпались чёрным пеплом, скрылись вместе с серой воронкой духов, которые гнали дальше отступавших чудищ, что дрались с волком. Над опустевшим полем боя теперь поднималась лишь исполинская зелёная пирамида из висящих каждый сам по себе смарагдовых кристаллов; на до блеска отполированных гранях длилась причудливая пляска изумрудных огней.

– Армия Познавшего Тьму, э? – рыкнул Фенрир. – Сколько их будет?

– Несколько сотен, едва ли больше. Тысяча в самом крайнем случае.

Волк захохотал, мотая мохнатой головой, только что не принявшись кататься от смеха по земле.

– Несколько сотен? Тысяча?! Ты смеёшься, великий О?дин. Мне ж это на один зуб, даже распробовать не получится!

– Эта тысяча стоит тьмы и тьмы других, племянник.

– Ха! Ха! Стоит тьмы других! Ну, может, и стоит – стада овец, наверное.

– Не хвались, волк, – остудил пыл Фенрира Водитель Мёртвых.

– А ты с ними что, уже бился, да? И они тебя погнали небось? – съязвил сын Локи.

– Не бился. – Яргохор словно не заметил насмешки. – Но если владыка всего Сущего, что может собрать мириады мириадов, что может бросить на нас мощь множества миров, посылает в бой всего лишь несколько сотен… значит, эти сотни поистине дорогого стоят.

– Дорогого, недорогого, – буркнул волк. – Какая разница? Дайте их мне! Тогда и узнаем, кто чего стоит.

– Долго ждать не придётся, – остановился О?дин. – Вот они.

* * *

Тени асов освободились. Виса валькирии, древняя сила Асгарда, властно влекла их обратно. Однако они по-прежнему словно не видели воительницу, подчиняясь лишь её магии. Сущности их дремали, не торопясь вернуться.

Но Райна сейчас не обращала на это внимания. Её сила превозмогла все препоны и ловушки этого места. «Тоже мне, «домен Соборного Духа», «самое таинственное место всего Упорядоченного»! Ничего особенного». Её воля оказалась могущественнее всего, что смог бросить против неё Демогоргон. Стражи и демоны, пропасти и бездны – её ничто не остановило. И теперь они

возвращаются – она и асы.

А как только они выберутся отсюда – всё будет очень и очень хорошо.

Золотая тропа расширялась, уверенно вела Райну прочь из страны мёртвых. Валькирия не оборачивалась, она и так знала, что тени асов послушно следуют за ней.

Они победили. План отца исполнился. Осталась последняя, самая малая малость – перейти обратно границу меж жизнью и смертью, сбросить личину отшагнувших от мира живых и потом уже подумать, как вернуть родне и сёстрам достойную богов Асгарда плоть.

Райна шагала и пела во всю глотку, пела разухабистые песни простых наёмников, её былых товарищей, обычных смертных. Сколько раз она пела вот так же, у походного костра, празднуя победу или стараясь приободрить других после неудачи; сейчас эти немудрёные вирши казались ей величественным победным гимном.

Облака расступались перед нею, в спину упирался холодный взгляд великого Орла, словно обнимавшего широко раскрытыми крылами Мировое Древо. Он был спокоен. Холоден и спокоен, словно и не вырвались из его владений только что несколько десятков Древних, пребывавших тут бессчётные века.

Но что ей до всех на свете духов, Орлов и Драконов, до сил великих и малых – если за ней следуют её сёстры? Где-то там, позади, наверное, осталась мама, но… что поделать. Мама была смертна, такова её участь; Райна никогда не забывала о ней, но могла ли вернуть её сейчас?..

Наверное, нет. Не следует нарушать испокон установленное. Смертные живут и умирают, их души отправляются в области посмертия. Боги – живут вечно, до самого последнего дня, отпущенного их миру, и тоже умирают, уже конечной, последней смертью. Так было, пока стоял Асгард – простой и честный порядок. Так и должно быть. Не ей, истинной валькирии, нарушать его.

…Но в глубине души уже свивал кольца червь сомнения.

Они с отцом опрокинули все законы, запреты и установления. И что мешало ей… нет, нет, – Райна даже помотала головой, – она безумна. Как она нашла бы мать в бескрайних владениях Соборного Духа, понятия не имея даже, где и, главное, как её искать?

Оставь позади прошлое, валькирия, иди вперёд, не сворачивая. Границы домена мёртвых всё ближе, ещё немного, ещё чуть-чуть…

Смотрит в спину жестокий Орёл. А может, это лишь его тень, как и всё здесь? Может, он и сам мёртв незнамо сколько столетий, лишь притворяясь живым?

Забудь, Райна, забудь.

Золотой луч рассыпался под ногами облаком искристых вспышек, словно рой падающих звёзд летней бестревожной ночью.

А впереди – впереди бушевал пожар.

Серая завеса горела, полыхала яростным зелёным пламенем, не дававшим, однако, жара. Откуда-то снаружи во врата твердыни Демогоргона бил неистовый поток смарагдового огня, и под его напором преграда медленно, но верно поддавалась.

Валькирия обернулась – тени асов покорно и безвольно следовали за ней, незрячие глаза смотрели куда-то сквозь Райну, будто не замечая. Души богов подчинялись той же силе, тем же чарам, что и призраки Гнипахеллира, духи простых смертных.

Демонов, столь яростно нападавших на валькирию совсем недавно, видно не было. Зачем атаковали, почему, по чьей указке? – Райна не знала. Впрочем, сгинули – и ладно. Туда им и дорога.

Перед валькирией, насколько мог окинуть взгляд, поднималась исполинская серая стена, протянувшаяся и вправо, и влево, и вверх, и вниз. Стена без окон и врат, стена без каких-либо различий; просто стена серой холодной мглы, и ничего больше.

Хотя – нет, не «ничего». Пятно зеленоватого света, пробивающегося сквозь туманную хмарь, пятно пляшущего изумрудного огня, продавливающего себе дорогу внутрь, в домен Соборного Духа.

Шла помощь – помощь ей, Райне! Валькирия видела, как серая хмарь медленно и нехотя, но всё-таки дрогнула, постепенно расходясь в стороны. Она истончалась, таяла, растягивалась – и наконец лопнула.

Стена зелёного пламени взвихрилась в последний раз и стала неспешно опадать, словно с гордостью за хорошо выполненное дело. И когда она исчезла совсем, Райна увидала застывших отца, Фенрира и Яргохора – живых и невредимых.

Вернее, увидела их спины. Исполинский волк вздымался настоящей горой, отца и Яргохора едва удалось рассмотреть. Прямо же перед валькирией, насколько мог окинуть глаз, тянулся сложнейший лабиринт зелёных кристаллов, вокруг которых ещё не до конца угасли сполохи изумрудного огня.

Тени асов толпились вокруг валькирии, окружали её, по-прежнему немые и безучастные. Пустые серые глаза тупо таращились в пространство.

Бесплотные, бестелесные, бессильные. Мёртвые отражения давно ушедших силы, желания, страсти. Сохранённые, словно в магическом зеркале, доменом Соборного Духа, сохранённые невесть зачем. Они подчиняются заклятиям, покорно и безвольно, словно и не были никогда божествами, гордыми и непреклонными. Божествами, что предпочли смерть рабству.

Сердце валькирии полнила гордость, высокая и торжественная, под стать тем речам, с какими она вводила в Валгаллу очередного героя; воительница Райна сжимала зубы, отгоняя неотвязную мысль, что даже отцу ничего не удастся сделать с этими тенями, что они так и останутся невесомыми, неосязаемыми призраками.

Но не мог же великий О?дин решиться на такое, не имея чёткого плана, что он станет делать после победы, после того, как выручит сородичей?

Всё, путь открыт. Небывалое свершилось – стены неприступной крепости, твердыни Соборного Духа, пробиты, смерть возвращает прихваченное – осталось

лишь сделать последний шаг.

Никто не стоял на пути у валькирии, исчезли демоны, нигде не видать нелепо-разодетых архонтов с их напомаженными, тщательно завитыми бородами и ещё более нелепыми посохами; а Райне отчего-то сделалось очень страшно. Альвийский меч подрагивал в руке, словно ему недостало боя, словно вновь хотелось в сечу; и это не нравилось воительнице тоже.

Великий Орёл не стал вмешиваться в происходящее. Он, никогда и ни для кого не открывавший врат, ведших на обратную дорогу!

Что всё это значит?

Серые пуповины, или поводки, Райна не знала, как лучше их назвать, перерублены. Тени асов и асиний свободны – если, конечно, тень погибшего бога вообще можно назвать свободной. Нужно сделать последний шаг – а там, быть может, души асов сами собой облекутся во плоть?

Райна вздохнула. Вот он, незримый порог, разделяющий мир навсегда мёртвых и пока ещё живых; ей оставалось сделать последний шаг. Казалось бы, чего тут мешкать? Делай, свершай, побеждай, валькирия!..

Но набравшаяся горького опыта воительница Райна всё же медлила.

* * *

Исполинская конструкция, сложенная из бесчисленного множества зелёных кристаллов басовито гудела за спиной О?дина, словно там роились разом сотни и тысячи пчелиных семей. Он не оборачивался – Райна справится, а если не справится… Что ж, если не справится, то ему придётся постараться за двоих.

Рядом с ним шагал Яргохор, спокойный, меланхоличный, словно всё происходящее его не касалось. Громадный Фенрир поневоле держался в отдалении, но всё равно хорошо было видно, насколько его помяли. Тут и там мех испачкан тёмной кровью, не разобрать уже чьей, то ли самого волка, то ли его павших врагов. Сын Локи заметно припадал на левую переднюю лапу; ей, похоже, досталось больше всех.

Все молчали. Никто не задавал вопросов; Фенрир, похоже, неколебимо верил, что пресловутый «день Рагнарёка», когда ему предстоит погибнуть от руки Отца Богов, ещё не наступил, Яргохор-Ястир, сам принадлежащий неведомо какому миру, застрявший на границе меж владениями мёртвых и уделом живых, наверное, научился не беспокоиться о себе. И в самом деле, можно ли убить его ещё раз?

Высоко-высоко над головами, взрезая острыми крыльями серую мглу, мелькнул коричневопёрый сокол. О?дин мельком взглянул вверх, усмехнулся.

Всё шло по плану.

– Ты станешь говорить, Отец Дружин? – вдруг подал голос Фенрир. – Перед боем… как положено? Бросишь вызов их предводителю?

– Брошу, – без тени улыбки кивнул Старый Хрофт. – У меня нет ни желания, ни необходимости убивать слуг Хедина. Достаточно, чтобы они нам не мешали, ничего большего мне от них не нужно.

– А они не помешают? – хладнокровно заметил Ястир. – Что осталось сделать доблестной Райне?

– Не ведаю. – Ответ Старого Хрофта получился совершенно бесстрастным. – Чтобы проникнуть в подвластные Орлу области, моей дочери пришлось почти умереть. Что ждёт её там – не знаю даже я. Но верю, что она справится. В конце концов, кому, как не ей, выводить мёртвых из их домена?

Ястир пожал закованными в помятую сталь плечами и ничего не сказал.

– Этот хвастливый маг сейчас бы пригодился, – как бы невзначай заметил сын Локи. – И он сам, и его сородичи, о которых он упоминал.

– Согласен, – кивнул Отец Дружин. – Но их здесь нет, так что и говорить не о чем. Их нет, есть только мы. И нам надо победить.

– Как именно? – деловито осведомился волк. – Съесть их всех? Честно говоря, у меня брюхо ноет от всех этих тварей в чешуе, что уже пришлось проглотить…

– Неужто? – усмехнулся Ястир. – Разве твоя утроба вместила хоть одного, о терзаемый вечным гладом пожиратель?

Волк недовольно фыркнул:

– Экий ты скучный, бог с мечом! Сразу видно – Ямертов родственничек.

– Я ему не родня, – ровным голосом отозвался Водитель Мёртвых.

– А кто же? – не отставал Фенрир.

– Мы возникли все вместе, это правда, – нехотя ответил Яргохор. Скрипнула сталь латной перчатки, пальцы его сжались на рукояти длинного вычурного меча. – Мы возникли все вместе, и главным среди нас был Ямерт. Так установлено вне нашей воли и нашего желания. Такова воля Творца.

– Ты… видел Его? – осторожно осведомился О?дин. – Видел Его самого? Слышал Его речи?

Помятый во многих местах шлем отрицательно качнулся из стороны в сторону.

– Нет, Древний Бог. Мы возникли разом, такими, какими ты увидел нас на Боргильдовом Поле. Нас было много, но главнейшими всегда оставались ведомые тебе семеро.

– А Ярмина? – неожиданно для самого себя спросил Старый Хрофт. – Дочь Ямерта? А были ли дети у иных Молодых Богов? Сочетались ли они браком, подобно нам, Богам Древним?

– Ты уверен, великий О?дин, что сейчас подходящее время обсуждать все эти высокие материи? – Яргохор остановился. Остриё двуручного меча поднялось, указывая вперёд.

Каким-то образом О?дин, Ястир и Фенрир ухитрились оставить позади немалые поприща. Реальность здесь, хоть и по-прежнему безумная, казалась чуть ближе к тому, что слагало прочие, обыденные области Упорядоченного. Серые холмы

катились волнами, то тут, то там вздымались неправдоподобно острые нагие складки, словно под серой тканью кто-то уложил лезвиями вверх бесконечной длины мечи. Кое-где виднелись даже деревья, вернее, нечто напоминавшее их серые полубесплотные тени.

– Мы очень далеко от врат, – заметил волк. – Райна…

– Чем дальше от неё, тем лучше. Готовы, все?

– Погоди, дядя, – ухмыльнулся Фенрир. – Ты так и не сказал, что нам делать. Разить насмерть? Просто разметать?

– Нам надо просто дождаться моих и твоих сородичей, сын Локи. Постарайся, чтобы ученики Хедина не причинили б тебе слишком много вреда.

– Не причинят, – рыкнул серый исполин. – После этих милых звериков мне, признаюсь, уже ничего не страшно…

– Тогда ты возьмёшь на себя их середину, – решил О?дин. – Ты, Ястир, – правый край. Я займусь левым и постараюсь добраться до тех, кто здесь распоряжается. Надеюсь, мне удастся… вразумить их.

Прямо перед замершей троицей на гребне недальнего холма замаячили тёмные ряды пешего войска. Гномы шагали тесно, плечо к плечу, высоко подняв штандарты родов и кланов. Закованные в броню по самые глаза, сдвинув щиты и выставив в промежутках первого ряда чёрные жерла огнебросов.

Справа и слева от тяжёлой пехоты наступали эльфы в зелёном и серебристом, пренебрегая глухими доспехами, но зато держа наготове длинные, в полный рост, коричневато-золотистые луки.

– Ты, наверное, смеёшься надо мной, Отец Богов, – укоризненно покачал исполинской башкой Фенрир. – Это – войско? Чуть больше полусотни гномов, примерно столько же эльфов, по десятку всяких разных тварей в задних рядах – и это всё? Всё, что послал против нас великий и грозный Хедин, Владыка Сущего?

И волк расхохотался, громко и басовито, запрокидывая голову.

– Стойте, где стоите, – распорядился он. – Тебе, дядюшка, не придётся утруждать свои старые кости. Тебе, Ястир, лучше почистить и выправить вмятины на доспехах – ты же хочешь, чтобы смелая Райна посмотрела б на тебя с благосклонностью? Предоставьте этих несчастных неудачников мне.

– Не бахвалься, племянничек!

– Что ты несёшь, серый разбойник?! Какая ещё «благосклонность»?! – Это прозвучало почти одновременно, разве что Ястиру понадобилось чуть больше времени, чтобы закончить фразу.

Фенрир слушать не стал, сорвался с места в стремительный бег; вновь казалось, что он остаётся на месте, а не удаляется, просто несколько уменьшаясь в размерах. Огромный волк нёсся совершенно бесшумно, словно во сне, то, что играло здесь роль «земли», не содрогалось под массивными лапами. Владения Демогоргона продолжали шутить шутки с непрошеными гостями.

– Почему ты не остановишь его, великий О?дин?

– Как, Ястир? Всё, что смогли сделать в своё время с ним мы, асы, в зените силы и славы – это посадить на волшебную цепь, вдобавок сработанную не нами самими, а гномами.

– Тогда он погибнет, – хладнокровно сказал Водитель Мёртвых.

Старый Хрофт ничего не ответил. Альвийский меч рвался в бой, за спиной по-прежнему гудела исполинская конструкция из зелёных кристаллов, по-хозяйски расположившаяся на границе – и там же, за спиной Древнего Бога, осталась Райна, что должна была сейчас выбираться из мест, куда смертной или даже бессмертной плоти нет доступа, куда пробьётся лишь дух.

– Ты всё стоишь, великий О?дин? – Меч Водителя Мёртвых взят наперевес. – Ждать больше нечего. Ты выбрал, как и я.

– Идём, – эхом откликнулся Старый Хрофт. – Нам надо продержаться совсем немного, пока не вернётся Райна.

– А потом? – немедленно, хоть и без всякого любопытства в голосе, спросил Яргохор. – Что будет потом? Мы перебьём всех хединских слуг?

О?дин не ответил, просто ускорил шаг.

Меж тем, завидев приближающегося гигантскими прыжками Фенрира, рать сподвижников Познавшего Тьму остановилась. Острый глаз Отца Дружин различал плотно сдвинутые вместе щиты, стрелы, уже лёгшие на тетивы, видел и дула огнебросов; левая рука владыки Асгарда коснулась блистающей стали альвийского меча; О?дин гладил клинок, словно хозяин, успокаивающий разъярённого, рвущегося в схватку волкодава. От металла по пальцам бежали болезненные мурашки, словно злые кусачие насекомые.

Сейчас, сейчас, сейчас. Тщательно составленное и продуманное – обмысленное долгими, нескончаемыми одинокими вечерами; увиденное, подсмотренное, замеченное в бесчисленных мирах, куда забрасывали его странствия – всему предстояло воплотиться именно сейчас. Да, потом будет ещё много всего, но путь задаётся именно в эти мгновения.

Альвийский меч он переложил в левую руку. Правая достала из ножен не древнюю, напоенную магией вещь, а простой короткий нож гномьей работы, на которой мастера Кольчужной Горы выбили лишь одну-единственную руну – руну «ас», руну, означавшую его самого.

Стр: 76

Тёмно-серый металл, рукоять, собранная из колечек северной берёзы. Таких ножей гномы делали и продавали немало. Этот не отличался ничем, кроме упомянутой руны; она, впрочем, не делала его ни волшебным, ни «магическим», ни даже «зачарованным». Обычный нож, каким режут хлеб, свежуют дичь и делают ещё тысячу обычных, повседневных дел.

Первую руну, что, словно сияющая причудливая сеть, устремилась следом за Фенриром, О?дин начертал именно этим ножом. За ней – вторую, третью, пятую – линии вспыхивали в воздухе льдисто-голубым и почти сразу же исчезали.

Они летели стремительно, обгоняя ветер, и гасли в густой волчьей шерсти, на первый взгляд – бесследно.

Яргохор покосился на Старого Хрофта, ничего не сказал, всем видом своим, однако, показывая, что одними рисуночками тут не обойдёшься.

Альвийский меч вернулся О?дину в правую руку, гномий клинок скрылся в ножнах, и руны продолжили рождаться; но уже куда более яркие, броские, заметные. Они тоже мчались следом за волком-исполином, но, в отличие от первой пятёрки, уже не гасли. Шерсть сына Локи от носа и острых ушей, вдоль взнесённой горбом спины и до кончика хвоста вся засветилась тем же льдисто-голубым, холодным светом.

Ни гномы, ни эльфы наступающего отряда не дрогнули и не попятились при виде несущегося на них чудовища. Подгорные воители лишь теснее сбили ряды, эльфы-стрелки, напротив, рассыпались, вскидывая луки.

– Что ж, поглядим, верны ли сказки о непобедимых слугах Хедина, – невозмутимо заметил Яргохор.

– Могу тебя заверить – верны от первого до последнего слова, – усмехнулся Отец Богов.

– На что же мы тогда рассчитываем? – деловито осведомился Водитель Мёртвых. – Как же это по-вашему, в духе Древних Богов! Вот такими же вы выходили и на Боргильдову Битву… и не на неё одну.

– На что рассчитываем? – Отец Дружин счёл, что ему пришла пора и несколько осерчать. – Держи крепче меч, Ястир! И нечего тут что-то выгадывать. Нас трое против многих десятков, тех, что заткнут за пояс даже сильнейших магов. Не думай, что они хороши лишь размахивать топорами или, скажем, пускать стрелы.

– Да я и не думаю, – прежним ровным голосом отозвался Водитель Мёртвых. – Меня, во всяком случае, им не взять, маги там или не маги.

– Завидная уверенность, Яргохор. Знать бы только, откуда взялась.

– Вот именно потому, что я – Яргохор, великий О?дин.

– Раз умершее умереть не может, да?

– Да. – Яргохор глядел на всё ещё далёкие шеренги воинства Хедина.

– Не зарекайся. – Старый Хрофт покачал головой.

– Я не безмозглый мертвяк, великий О?дин.

– Явившиеся сюда побеждали всегда и всех, Ястир.

– Только до той поры, пока не встретились с нами, владыка Асгарда.

О?дин хотел что-то ответить – но в этот миг рать Познавшего Тьму решила, что враг подобрался достаточно близко.

И ответила.

* * *

Исчезли последние отблески зелёного пламени. В серой стене, ограждавшей домен Соборного Духа, зияла огромная дыра, оставленная смарагдовым огнём; путь открыт, выводи асов, валькирия Рандгрид.

Однако Райна отчего-то мешкала. Природная лихость валькирии уступила место осторожности бывалой воительницы. Лабиринт изумрудных кристаллов казался бесконечным; и выглядел он сейчас куда более пугающим и опасным, чем все тропы владений Демогоргона.

Нет, не так рисовалось валькирии её возвращение, совсем не так.

Она оглянулась – едва ли ей суждено ещё раз увидать эти запретные края; ну, разумеется, не считая того дня, когда ей самой предстоит сделаться такой же тенью.

«Страшно, валькирия?» – сказала она себе. И себе же призналась: «Да, страшно». Словно все эти забавы на золотой тропе, лихие стычки с бородатыми стражами, их рубиновые посохи, нападающие демоны – всё это было ненастоящим, существующим лишь в её, валькирии, воображении.

А истина – вот она, перед ней. И выбор – перед ней, тоже. Только перед ней; ни отец, ни кто-то другой не имеет к этому никакого отношения. Всё будет, как решит она.

Мёртвые пересекут границу – и мир изменится, необратимо, навсегда, так, что уже ничего не исправить. Отец ведь возвращает не безмозглых зомби, не призраков, не духов – он ведь, насколько понимала Райна, имеет цель именно возродить Асгард и вернуть его обитателей к жизни, во плоти, а не какими-то там привидениями.

Она робела, со стыдом признаваясь себе в этом. Насколько же было проще с теми же Безумными Богами, или с мертвоедами мира Агасты, или дикими колдунами Врагаша, или духами-вампирами Семмолы! Насколько легче было защищать юную королевну от наёмников её родственничка, решившего, что «девчонкам на троне не место!». Насколько проще и бестревожнее было мчать к Валгалле с павшим героем, готовясь ввести его в зал эйнхериев, под приветственные кличи его новых товарищей!

Всему этому настал конец. Или, вернее, наставал.

Валькирия с тоской обернулась. Далеко-далеко вздымалось исполинское Древо Мира; здесь, в домене Соборного Духа, его дом. Корни его тянутся к трём Источникам Магии, не то питаемые ими, не то сами питающие их. Загадочные стражи, утверждавшие, что «она не готова», но в конце концов не сумевшие ей помешать, и великое Нечто (или Ничто?) на том конце золотой тропы – все эти тайны Райна поневоле оставляла за спиной.

Врата обратно, в мир живых, широко раскрыты. Раскрыты, как несложно понять, Дальними. Союзнички, тоже мне… – поёжилась валькирия.

Она выдохнула и позвала. Тени дрогнули, послушно потянулись следом, а далеко-далеко за спиной Райны раскрыл неоглядные крылья и устремился в неведомую высь великий Орёл.

* * *

Гномьи огнебросы выдохнули все разом. Над задними рядами воинства Хедина поднялись, словно сами собой, в воздух громадные радужные змеи, не имевшие никаких крыльев, но, похоже, преотлично умевшие летать. Эльфы-лучники дружно отпустили тетивы, целый рой стрел взмыл в серое поднебесье; оставляя за собой огненные дорожки, устремился к налетающему волку.

Серо-серебристый мех вспыхнул разом в полусотне мест, огоньки заплясали по шерсти, стремительно сливаясь в сплошное море. Помятый в нескольких местах, испещрённый царапинами во множестве, шлем Яргохора повернулся к О?дину. Хозяин шлема был в явном недоумении.

Что же ты медлишь, Отец Богов?!

Гномьи огнебросы харкнули прямо в раскрытую пасть сына Локи множеством пламенных шаров. Увернуться не смог бы никто, однако Фенрир, с охваченными огнём боками и загривком, будто и не чувствуя боли, взвился в гигантском прыжке, пропуская выпущенные в упор заряды под собой.

Вцепившиеся было в шкуру языки пламени меж тем вдруг зашипели, тело волка словно одевалось ледяным панцирем, голубоватым, под цвет исчезнувшей чуть раньше руны Старого Хрофта. Огонь заметался, но спасения не было, лёд вздувался чудовищными наплечниками и защищающим шею хауберком, поножами, налобником и просто пластами, прикрывавшими сына Локи.

Целый рой стрел с невероятной меткостью был пущен эльфами прямо в глаза Фенрира, однако прямо перед ними вдруг схлопнулись прозрачные ледяные линзы; пылающие оголовки лишь бессильно клевали холодную броню.

Яргохор лишь покачал головой. Надо полагать, в немом восхищении.

Неудача ничуть не обескуражила ратников Хедина. Гномы стремительно и чётко отхлынули в стороны, избегая огромных лап волка; эльфы-стрелки брали его в кольцо; не жалея рук, рвали тетивы с такой частотой, что сам воздух потемнел от стрел; огненные дорожки сплетались в невиданную сеть. Несколько радужных змеев и два мормата поднимались всё выше, и вокруг них разгоралось всё ярче и шире грозное гало, предвещая магический удар неведомой силы.

– Чем. Я. Могу. Помочь? – разделяя каждое слово, отчеканил Водитель Мёртвых.

– Мне нужно, чтобы они побежали. – Глаза Старого Хрофта гневно сузились. – Я хочу видеть их спины. Слышишь, Ястир?!

– Немножко не похоже на великого О?дина, – заметил тот. – Но я постараюсь.

Водитель Мёртвых взял меч наперевес и шагнул вперёд, туда, где Фенрир клацал челюстями, размётывая сдвинувших было щиты гномов. Перед мордой чудовищного волка воздух вспыхнул радужным многоцветьем.

– Ставят барьер, – пробормотал Отец Дружин. Он не сомневался, что те, кому надо, слышат сейчас каждое его слово.

Ледяной доспех меж тем преображался, Фенрира теперь покрывали уже не неуклюжие латы, но гибкая, словно вторая кожа, льдистая чешуйчатая броня. Гномы напрасно разряжали свои огнебросы, клубы пламени вспухали на серебристо-снежных слоях, отдельные чешуи лопались, отваливались, но на их месте тотчас сгущались новые.

Яргохор, не оборачиваясь, размеренно шагал вперёд, а вот Старый Хрофт так и замер на одном месте, и остриё альвийского меча, несмотря на нетерпеливые подрагивания клинка, чертило одну руну за другой. Басовитое гудение зелёных кристаллов за спиной Отца Дружин сделалось громче, хозяина Валгаллы словно окатило сухим жаром полуденной пустыни – но ссутулившиеся было его плечи распрямились, руки, не дрожа, продолжали творить. Впрочем, рождающиеся символы ничем не напоминали простые обликом, изначальные руны Асгарда.

Никто не ответил бы, откуда взял их Отец Богов, никто не ведал, как он их познал. Круги и треугольники, квадраты и звёзды – они возникали точно из ниоткуда, рассечённые многочисленными линиями, со вписанными в них другими письменами, неровными, странными и пугающими.

Древняя магия, рунная магия, магия, пришедшая от самой зари тварного мира. Далеко не столь изящная, как магия Арфы, или Лунного Зверя, или, скажем, Медленной Воды – всего того, чем так виртуозно владел Познавший Тьму в бытность свою Истинным Магом, ещё не Богом, – но сейчас не менее действенная.

– Спасибо вам, Дальние, – громко и чуть ли не торжественно провозгласил Отец Дружин, когда очередная волна силы нахлынула на него, словно горячий песок, впитываясь через кожу и доходя до сердцевины костей.

Руны, руны, руны. Что ещё умел он, владыка Асгарда, чем ещё сумел бы удивить своих противников?

Меж тем лучники-эльфы заметили размеренно шагающего Яргохора, приближавшегося словно ожившая крепостная башня. Серое и чёрное, и длинный меч, начинавший – пока неспешно – описывать круги перед Водителем Мёртвых.

– Ты видишь, Гулльвейг, – так же громко и отчётливо объявил Старый Хрофт, – я принял помощь. И я расплачиваюсь.

Ответом ему стало молчание, но ничего иного древний бог О?дин, похоже, и не ожидал.

Парившие над схваткой морматы и радужные змеи всё плели и плели какое-то своё заклятье; О?дин то и дело кидал на них быстрый взгляд, словно лучник, готовый в любой миг пустить гибельную стрелу, однако всякий раз останавливавшийся.

Строй ратников Хедина меж тем совсем рассыпался, гномы и эльфы растянулись тонкой цепью, стараясь взять великого волка в кольцо. Получалось плохо, но и достойной цели для огромных челюстей не находилось. Фенрир закрутился на месте, но больше, похоже, просто пугал, чем нападал.

Собравшиеся в воздухе летучие создания, морматы и радужные змеи, наконец сотворили что-то: сияющий ореол вокруг них исчез, а серая твердь под лапами волка, напротив, закипела, словно вода в котелке, Фенрир начал вязнуть, точно в болоте.

Кто-то из эльфов пустил меткую стрелу в приближающегося Яргохора. Водитель Мёртвых вскинул клинок – зачарованный наконечник разбился о сталь меча, древко сломалось, окутавшись быстро растаявшим облачком пламени.

О?дин обернулся – Райна по-прежнему стояла там же, недвижная. Исполинская пирамида зелёных кристаллов извергала поток зелёного сияния, и прямо перед нею в серых волнах последней преграды заповедного домена всё расширялась и расширялась брешь, края которой глодал изумрудный огонь.

– Мы помогаем, – сказали Дальние.

– Я тоже сражаюсь, – сквозь зубы процедил Отец Дружин.

– Мы видим, – одобрил его незримый хор. – Но где кровь? Мы хотим крови! Слуги Хедина должны пасть!

Старый Хрофт не ответил – альвийский меч начертал очередную руну; она лёгкой птицей расправила паутинку крыльев, льдистые линии вспыхнули, поплыли над серой равниной, туда, на помощь волку и Водителю Мёртвых, что вовсю крутил клинком перед собой, словно заправский мечник, отражая сыплющиеся на него стрелы. Ему ещё предстояло немало пройти.

Вот вырвался очередной пламенный заряд из гномьего огнеброса, описал высокую дугу, опускаясь прямо на лишившийся уже острия шлем Яргохора; полоса серого металла взметнулась наперерез, и Водитель Мёртвых исчез в поглотившей его вспышке. Яростно-белое пламя вгрызлось в серую твердь здешней «земли», углубляясь, выжигая всё на своём пути.

О?дин зарычал сквозь стиснутые зубы.

– Нашему верному нет нужды тревожиться, – безмятежно объявили Дальние. – Сила наша огромна, а помогая тебе, мы помогаем Упорядоченному исполнить его

предназначение.

– Его… предназначение… – лоб Старого Хрофта покрывал пот, – вернуть… моих… сородичей! Возродить Асгард!

– Бесспорно, бесспорно, – благодушно согласились Дальние. – Когда-то мы выступали против Познавшего Тьму напрямую. Это была ошибка. Мы в Упорядоченном не для того, чтобы воевать в открытую. Да, великий О?дин, – ты волновался? Вот он, твой союзник, идёт как ни в чём не бывало.

Водитель Мёртвых прежним размеренным шагом выступил из огненного шара, слепяще-белые струйки пламени стекали, словно дождь, по закопчённой броне, покрытой многочисленными вмятинами и царапинами.

Его не брал даже магический огонь, даже знаменитые на пол-Упорядоченного зажигательные заряды гномов-воинов Хедина. Водителя Мёртвых не просто «лишили памяти» в тот давний День Гнева, не просто поставили вести в Хель караваны новопреставившихся душ; с ним сделали и что-то ещё, страшное и поистине непонятное, сохранив подобие жизни, но что-то и отняв.

Фенриру меж тем приходилось нелегко. Хоть и громадный, хоть и неимоверно могучий, волк, которому не давала умереть от голода сама изначальная магия, уже почти по брюхо провалился в разверзшееся прямо у него под лапами болото. Серая трясина затягивала его медленно, но неумолимо, и, если б не руны Старого Хрофта, кто знает, что сделала бы с сыном Локи огненная магия подмастерьев Хедина?

Сам Яргохор упрямо шагал и шагал – прямо сквозь настоящий ураган несущихся ему навстречу эльфийских стрел, прикрывая ладонью в латной перчатке смотровую щель собственного шлема – о закопчённый металл уже разбилась добрая дюжина оголовков.

Гномы и эльфы из отряда Хедина меж тем благоразумно подались назад, стараясь не попадаться на зуб Фенриру, что всё глубже и глубже погружался в сотворённую колдовством топь. Мышцы исполинского волка вздувались чудовищными буграми, он яростно рычал, но, видать, даже его лапы не могли нащупать опоры в расползающемся сером киселе.

– Пусть наш верный не беспокоится, – повторили Дальние, и басовитое гудение их кристаллов сделалось ещё громче.

Альвийский меч, казалось, сейчас закричит от переполнявшей его силы. Клинок пылал ослепительно-белым, сталь вибрировала, остро, режуще слух, чертя перед Отцом Богов руну за руной. О?дин снова оглянулся – фигурка Райны по-прежнему стояла недвижно, за ней – всё так же пылал зелёным огнём проход, сделанный Дальними в окружавшей домен Демогоргона стене.

Там всё хорошо. Там всё крепко. Дочь сражается.

* * *

Тени асов достигли рубежа. Граница владений Соборного Духа, граница меж жизнью и смертью, лежала перед ними, словно пробитый доспех, вспоротая призрачным клинком Дальних. «Не устоял ты перед ними, Великий Орёл», – подумала валькирия. И вновь обернулась – лишь для того, чтобы увидеть широкие крылья того самого Орла, всё раскрывающиеся, расходящиеся всё дальше, охватывающие само Древо Миров и весь домен мёртвых. Он был тут, великий Орёл, разом и обнимая свои владения, и поднимаясь куда-то ввысь, куда не проник бы взор не только смертного, но и бога. Туда, в неведомое, вела золотая тропа, врата его охраняла бородатая стража, сурово объявившая Райне – «ты не готова!»

Во владениях Демогоргона оставались неисчислимые легионы павших. Там оставалась мама. Её любил сам Владыка Асгарда, однако это не уберегло её от смертной участи, и хорошо ещё, что избавило от залов Хель. Матерям валькирий не было хода на поля Фрейи – из-за ревности Фригг; но великий О?дин не мог и бросить их в пасть царства мёртвых.

«Она не там, – сурово ответил он когда-то Райне. – Немногое мог я сделать для неё, но это немногое – сделал. Сигрун во власти Соборного Духа, и это – лучшее посмертие, что я мог дать ей».

Так может ли она сейчас повернуться спиной и уйти? Остаться с роднёй, со старшими асиньями и асами, забыв о собственной матери? Тебе, Рандгрид, от отца досталось бессмертие, невластность времени над тобой – и ты забыла о

матери, радостная, упивающаяся высокой участью одной из Тринадцати, участью валькирии Асгарда.

Пришло время платить долги.

Райна постояла ещё, на самом краю смерти и жизни. «Могущественные чары охраняют меня, пока я здесь, – но что случится, если я решусь повернуть обратно? Отец… Фенрир… Ястир… асы – что будет с ними?»

Великий Орёл пристально глядел на неё. Взгляд упирался в лицо Райне, она ощущала почти нестерпимый холод, словно прижимала к щекам кусок нетающего льда.

– Идите! Идите же! – выкрикнула валькирия, обращаясь к безмолвным теням. То, что было асами, медленно, словно нехотя, потянулось к прорехе в серой стене. Первым миновал её Тор – миновал, и тотчас исчез. За ним Йорд, следом – Браги.

– Прощайте, – еле слышно прошептала валькирия.

Тени асов одна за другой проплывали мимо неё, по-прежнему безмолвные, слепые, погружённые в странное своё не-бытие, не-смерть и не-жизнь. Саму Райну они не замечали – все, кроме Фригг.

Законная супруга Отца Богов покидала пределы Демогоргона последней. И, проплывая мимо валькирии, вдруг повернула призрачную голову, в упор взглянув на Райну слепыми будто бы очами, и едва заметно кивнула.

Оторопевшая, воительница едва успела кивнуть в ответ.

Решайся же, валькирия! Вперёд – или назад?

– Прости меня, отец, – прошептала воительница, прежде чем повернуться спиной к тлеющему по краям зелёными углями проёму.

Интерлюдия 2

– Повелитель Ракот, какие будут приказания?

Тёмный эльф Аррис, возглавивший после исчезновения Гелерры её полк, поклонился названому брату Хедина. Поклонился со сдержанной вежливостью; сейчас она казалась почти что вызовом.

Бывший Владыка Тьмы молча сидел на краю Источника Мудрости[1 - См. роман «Удерживая небо», стр. 320–364.]. Сидел весьма непочтительно, уперев в землю свой знаменитый Чёрный Меч. Давно закончился ритуал, отгорела и погасла без следа магическая звезда со множеством лучей, показавшая Новому Богу мудрого великана Мимира, хранителя этого Источника; Мимир поднимался вверх по раскидистым ветвям исполинского Мирового Древа.

Картина, что явилась взору Ракота, иному показалась бы дикой и странной: Владыка Мрака разом видел и само Древо, поистине гигантское, распростёршее крону чуть ли не над всем Упорядоченным, и Мимира, что выглядел бы на его фоне не то что муравьём, но и мельчайшей пылинкой.

Великан упрямо карабкался, хватаясь за сучья, и со стороны могло показаться, что взбирается он самое большее на обычную сосну.

Мимир, страж Источника Мудрости, ещё именуемого Источником Миров, покинул свой вечный пост. Сменяли друг друга эпохи, уходили века, а старый ётун всё нёс и нёс нескончаемую службу. Нёс – до недавнего времени, когда, никому ничего не сказав, он исчез, не оставив даже послания.

Ракот втайне надеялся как раз и обнаружить таковое; однако надежды его оказались жестоко обмануты. Вместо прощального письма Источник и залог О?дина – его правый глаз – явили Ракоту то самое Древо Миров и Мимира, поднимающегося по кажущемуся бесконечным стволу.

Мимира он увидел – как и тянущуюся в неведомую глубь тёмную пуповину, накрепко присосавшуюся к Источнику.

Ракот попытался проследить, куда уводила чёрная нить, – напрасно; лишь глаза стало жечь поистине немилосердно.

«Кто-то неимоверно ловкий, или умелый, или удачливый – а скорее, всё это вместе – нащупал-таки прореху в защите Источника. А Мимир… то ли не заметил, то ли не поверил, то ли попросту проспал», – с закипающим гневом подумал бывший Владыка Тьмы.

«Надо ж, этакая дрянь выросла… Не змея, нет – змеи мудры, хоть и опасны, но чисты – но какая-то трупная пиявица.

Дальние? Козлоногие? Спаситель? Слуги Хаоса? Кто-то ещё, какие-нибудь последыши Безумных Богов?»

Два Источника осквернены. Уже на два из трёх неведомая сила ухитрилась наложить свои грязные лапы – а они с Хедином так ничего и не заметили, только сейчас – когда, быть может, уже поздно.

А это значило, что все силы сейчас ему надлежало кинуть лишь на одно – на прорыв вдоль этой самой нитки, до того мига, пока она не приведёт к протянувшим её. Это был его путь, его, Ракота, метод и способ – добраться врагу до глотки и вцепиться в неё мёртвой хваткой. Это он умел.

Но как же Мимир? Как старый ётун, столько эонов стерёгший Источник, свою величайшую и единственную драгоценность, смысл всего его существования, – мог допустить такое?! Как он мог уйти?

У Владыки Мрака вырвалось глухое рычание.

Мимир. Чёрная нить. Древо Миров. Поневоле станешь завидовать Духу Познания, он-то, не мудрствуя лукаво, небось отправил бы по аватаре и за старым хранителем Источника, и вдоль тёмной пуповины, да и Мировое Древо бы не забыл.

Да уж, куда нам до золотых драконов.

Было и ещё одно, по странной причине не дававшее Ракоту покоя, не дававшее забыть о себе, хотя, казалось бы, на фоне последних грозных событий дело малозначимое.

Нет, ничего оставлять нельзя. Даже последнюю из «мелочей».

Подмастерья Хедина, начальники отрядов, десятков и сотен в полку Гелерры, мало-помалу, бочком-бочком подобрались ближе к Повелителю Тьмы; все ждали его слова, и сам Ракот это прекрасно понимал.

Однако он молчал, положив обе руки на эфес собственного меча и склонив голову в тягостном раздумье.

Было ли видение правдивым? Скорее всего да, использованное названым братом Хедина, заклятие доселе не давало сбоев.

Но Мировое Древо? Конечно, Ракот знал предания об Иггдрасиле, священном ясене, что «удерживал воедино небо, море и землю». В это верили асы, сородичи Старого Хрофта; подобные же легенды имелись во множестве иных миров. Но ни в пору своего ученичества, ни в дни расцвета их с Хедином Поколения, ни во времена наивысших успехов своего восстания – Ракот никогда не сталкивался ни с чем подобным воочию.

Не сталкивался и не использовал в своих заклятиях.

За исключением одного-единственного раза, когда он впустил в Упорядоченное жуткое и ненасытное страшилище – Неназываемого.

Впрочем, он никогда не сталкивался и с протянувшейся от двух Источников Магии тёмной паутиной.

Вспоминать те давние чары было больно. До сих пор. Как он гордился некогда этим заклятием, как торжествовал!

И было от чего. Он не якшался с Мимиром, не пил – после посвящения, инициации Истинных Магов – из его Источника, набираясь «сказочной мудрости». Он сам, своим умом, изучая бесконечные вереницы чисел, отражавших возмущения в тонких слоях Хаоса, просачивавшихся в Упорядоченное, несмотря на все заслоны, догадался, что старая схема Сущего неверна.

Птицеголовые учителя, наставники из уходившего Поколения, чьей сменой предстояло стать Поколению Хедина и Ракота, говорили о сложном просто, даже очень просто. Есть бесконечный Хаос, который никогда не возникал, который был всегда, и есть Упорядоченное, вернее, множество Упорядоченных, плавающих в нём, словно клёцки в супе.

Откуда взялся Хаос, как он возник, был ли всегда, пребудет ли всегда, вечен ли он и неизменен или тоже меняется – такими вопросами наставники себя не утруждали. Мир для них был прост и понятен, познан до самого «предела желаний», а дальше и глубже они идти не считали нужным.

Ракот пошёл.

Глубже самых мельчайших частиц Сущего, глубже перевитых волокон Упорядоченного и Хаоса на самой их границе, там, где лежит истинная пустота, Владыка Мрака отыскал нечто новое.

Пустота, оказывается, тоже бывает разная. Вернее, их может быть много больше, чем одна, и они могут вкладываться одна в другую, проходить друг через друга, не замечая и не сталкиваясь.

В той, иной, пустоте всё иное. Числа, знаки, законы. Она не сочетаема с нашей пустотой, они просто взаимно пожирают друг друга.

Вот оттуда-то Ракоту и удалось вытащить Неназываемого. Мельчайшая точка, проскользнувшая над, под и сквозь все барьеры, поскольку положение её точно определить было невозможно. Словно неведомыми туннелями, она преодолела все преграды и, едва очутившись в пустоте Упорядоченного, начала стремительно расти.

Более «пустая» пустота, чем пустота Упорядоченного, она жадно глотала всё окрест, стремительно расширяясь – с той же скоростью, что движется свет.

И в самом сердце этой новой пустоты обитало сознание. Сознание, которое сам Ракот отчаялся понять. Сознание, быстро разобравшееся что к чему, добравшееся сперва до пустых необитаемых миров, а потом и до населённых, – и принявшееся особо рьяно охотиться за живыми, за теми, кто наделён душой.

Конечно, потом они с Хедином придумали, что делать. Скармливать новоявленному зверю бесконечные объёмы новосотворённой пустоты, ровно с той же скоростью, с какой он её пожирал. Какое-то время это работало. До того момента, пока не появились козлоногие.

Однако это уже была совсем иная история, а сейчас Ракот вспоминал именно своё заклятье, то самое, что истончённой до состояния «ничто» иглой пронзало пустоту Упорядоченного, настойчиво отыскивая частицу пустоты иной, что несла в себе зародыш Неназываемого.

Острию этой иглы предстояло сделаться самым тонким во всём Сущем. Бесконечные напластования секущих плоскостей, что, словно нож резчика, стёсывали и стёсывали вещественность с незримого навершия, – и, когда уже почти всё стесали, Ракоту и привиделось это самое Древо, его туманные очертания, вдруг проглянувшие через застилавший глаза пот, когда Восставший, щурясь, тщился магическим зрением разглядеть, достаточно ли заточен кончик заговорённой иглы.

Сделавшееся почти невидимым, остриё причудливо изменяло падавший на него свет, и Ракот, словно в замочную скважину, смутно различил исполинские ствол и крону. Рассмотреть он их не смог – капризные заклятия, стачивавшие его бесплотный инструмент, нуждались в постоянных поправках. Тогда Истинный Маг отмахнулся от привидевшегося. В конце концов, странные картины и миражи почти всегда сопровождали подобного рода высшие заклятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман «Удерживая небо», стр. 320–364.

Купить: https://tellnovel.com/nik-perumov/asgard-vozrozhdennyy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити